

ШОЛОХ

ТЕНЬ
РАЗРАСТАЕТСЯ

АНТОНИНА
КРЕЙН

ТАЙНЫ

ПРИХОДЯТ

БЕЗ

СТУКА

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Антонина Крейн

Шолох. Тень разрастается

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Крейн А.

Шолох. Тень разрастается / А. Крейн — «Эксмо»,
2021 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-119329-4

Тинави пытается вернуться домой, но натывается на сплошные неприятности. Да и в самом Шолохе не все так гладко. Дворцовый остров раскололи трещины, а землетрясение в Лесном королевстве грозит разрушить некрополь. Кто живет под курганом и чем это грозит столице? Куда пропал принц Лиссай? И что за Пустота грядет? Никто, кроме Страждущей, не сможет собрать опасную мозаику из этих загадок.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119329-4

© Крейн А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Часть I	5
Пленница побережья	5
Кадий Мчун	12
Жуткий день для моей совести	19
Конфетки и кальсоны	26
На глубине	33
Дикая охота	39
Часть II	47
Господа добровольцы!	47
Одного раза в год	54
Неловко вышло	60
Рокочущие ряды	68
День цветов, Сайнор и Карл	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Антонина Крейн

Шолох. Тень разрастается

Часть I

Возвращение домой

Пленница побережья

*Вернусь домой, приду в себя, И там, у жаркого огня, Я расскажу тебе о том, Как всю дорогу видел дом – И только дом во снах своих...
Путевая песня срединников*

Я обмакнула руки в жидкую вулканическую грязь. Потом провела пальцами по лицу: от носа к вискам. Заглянула в мутную лужицу, блестящую между черных камней.

Отражение мне понравилось: в меру безумное, в меру воинственное – то, что надо для пленницы побережья.

– Их-ха! – завопила я и галопом бросилась вперед – туда, где ровными рядами темнели сосны.

Прочь, прочь от штормового моря!

Бежала я, впрочем, недолго. В воздухе разнесся низкий вибрирующий «оммм» – будто кто-то невидимый ударил в гонг, – и меня, как тряпичную куклу, отшвырнуло обратно.

Пару мгновений я лежала на песке, очухиваясь.

Затем со вздохом села и обратилась к рыбаку, который был свидетелем моего позора:

– Видишь? Не пускает!

– Вижу. – Рыбак ошарашенно моргнул.

Совсем молоденький парень, он был бледный и какой-то серокожий, как и все из народа шэрхен.

– Так ты правда уже дюжину дней на пляже?..

– Ага. – Я угрюмо пошевелила пальцами на перепачканных ступнях.

Такую грязь не съмитируешь! Дырки на плаще-летяге, слегка потухший взгляд и мочалка на голове – привет соленой морской воде – тоже были симптоматичны.

Рыбак неуверенно переминался с ноги на ногу. Синий чубчик челки покачивался у него надо лбом.

– А я даже не знал, что эта система охраны до сих пор работает... – пробормотал он смущенно.

– Теперь знаешь. – Я нетерпеливо трянула головой. – Ну что, поможешь мне? Пожалуйста?

– Да. – Юноша кивнул и вытащил из-за ворота тельняшки монету на кожаном шнурке.

Он прижал ее ко лбу и, возведя глаза к небу, начал заунывно нашептывать заклинание приветствия. Получалось плохо: он постоянно спотыкался на полуслове, вспыхивал стыдливо-красным румянцем и... начинал сначала. О-о-о... Ну это надолго.

Чтобы не мешать ему, я отошла и стала пускать камешки по воде. Глупая затея в шторм: серые и гладкие в свете подслеповатого островного солнца, они не могли противиться волнам и сразу же проваливались на глубину.

Чую, за эти дни я нехило повысила уровень моря своими подачками. Надеюсь, это не приведет к глобальному затоплению всей Шэрхенмисты. Мне бы не хотелось, чтобы к пестрому

перечню моих достижений добавилось что-то вроде «зачинщицы потопа». И так разномастных званий хватает!

Посудите сами: государственная изменница, беглая Ловчая, путешественница по Между-мирью, гроза падших хранителей, жуткая барахольщица и самая мечтательная из всех дурынд на свете...

Да-да, это все я – Тина́ви из Дома Страждущих.

Запутались? А я с этим живу. Причем последние две недели – живу в гордом одиночестве, в полной изоляции, попав в береговую ловушку народа шэрхен.

Помню, в годы учебы магистр Орлин целый семестр читал нам с Кадией и Дахху – моими лучшими друзьями – лекции про Шэрхенмисту.

Наставник воодушевленно рассказывал про эту загадочную страну молчаливых шэрхен, которые испокон веку придерживаются политики невмешательства и набиты секретами, как манускрипт Вонойчи. Но это был первый курс нашего обучения, а значит, мы были ленивыми и жизнерадостными олухами, склонными скорее считать ворон за окном, нежели слушать старого мастера.

Поэтому, когда меня выбросило сюда после одной невероятной стычки с иномирным чудовищем, я далеко не сразу вспомнила, что у шэрхен есть охранный береговая система, направленная против незваных гостей.

Ты не можешь просто взять и приехать в Шэрхенмисту. Кто-то должен искренне ждать тебя здесь или хотя бы номинально прочитать заклинание приветствия, чтобы «авторизировать».

К несчастью, я оказалась на пустынном и далеком от цивилизации побережье, где некого попросить о помощи. Так что я влипла по полной, совсем как муха в янтаре.

Сколько я ни шла в глубь острова, к видневшимся вдаль силуэтам сосен, они не приближались ни на йоту. Да и море никуда не девалось. Ехидно перекачивало свинцовые волны позади, как приклеенное. Влево-вправо путь тоже был закрыт. А если я усердствовала в победе, то невидимая пружинистая преграда отбрасывала меня назад. Эдакий бесплатный вертикальный батут для отчаянных.

За две недели местный пейзаж стал для меня до отвращения знакомой декорацией.

Я научилась удерживать равновесие на скользких валунах, карабкающихся за горизонт. Я ловко перепрыгивала через илистые лужицы с моллюсками. Я выяснила, что на пористые каменные губки лучше не наступать – они только кажутся надежными, а на деле крошатся, как безе.

И, конечно, заметка для вашей поваренной книги: ягоды оранжевики выглядят куда лучше, чем креветки, но на деле – та еще дрянь!

Я свыклась с пляжем так сильно, что уже боялась, что никогда не смогу его покинуть.

Никогда не вернусь домой, к друзьям, которые понятия не имеют, где меня носит. Не узнаю, куда потрепанное битвой Междумирье выкинуло принца Лиссая. Не увижу гордую скульптуру Полыни, моего куратора, которому должны были присудить высокое звание Генерала Улова... Но стоило мне полностью утонуть в отчаянии, как ситуация кардинально поменялась. Сегодня утром на меня наткнулся рыбак.

Он шел по пляжу, насвистывая и размахивая жестяным ведром: на этом удаленном побережье водятся какие-то очень редкие деликатесные рачки. Рыбак уже представлял, как станет героем-добытчиком в своей деревне. Но вместо рачков юнец обнаружил меня: банально споткнулся о мою ногу, высунутую из пещеры, где я досыпала дневной сон (он же переходил в вечерний, в ночной и в утренний попеременно).

Когда я выползла из укрытия, ужасу рыбака не было предела: выглядела я паршиво. Но я быстро взяла ситуацию под контроль: начала трещать без умолку, перемежая сказ о своем пленении байками из прошлой жизни и щедрыми комплиментами (ах, как удачно он здесь

оказался, ах, какие чудесные перчатки для ловли раков, ах, как мило с его стороны спасти прекрасную – почти что – даму в беде...).

Юноша так обалдел от моего напора, что согласился помочь. Вот только попросил на собственном примере показать, как выглядит «защита от чужаков» – мол, друзьям расскажет, обзавидуются. Ну мне не жалко! Сталкиваться с препятствием страшно только первые раз двадцать. Потом это больше похоже на спорт, чем на неудачу.

– Готово! – воскликнул рыбак, выдергивая меня из раздумий. Монетка у него на шнурке засветилась золотым, а потом медленно, с достоинством угасла.

В остальном ничего не поменялось: все тот же вулканический пляж, все та же курносая физиономия незнакомца. Бестелесные духи острова не спешат петь мне приветственные гимны, в душе не разливается жар вседозволенности.

– Думаешь, не получилось? – заволновался юноша, усмотрев тень сомнения на моем лице.

– Сейчас узнаем!

Я хрустнула пальцами, покрутила головой, как на разминке, и, глубоко вздохнув, снова побежала.

Песок взрывался фонтанчиками под моими пятками. Рачки, спрятавшиеся было от рыбака, заинтересованно повывлезали из-за валунов. Плотные тучи на небе опустились еще ниже – любопытно им, видишь ли.

Десять метров от берега, пятнадцать, двадцать, двадцать пять. Я зажмурилась, и... Ничего! Никакого сопротивления!

Выдохнув, я открыла глаза, обернулась.

– Спасибо! – крикнула я, рупором приложив ладони ко рту.

Но рыбак уже не слушал: натянув защитные перчатки, он воодушевленно скакал меж валунов с ведром наперевес...

Я побежала дальше. Черные сосны острова Рэй-Шнарр уважительно расступались передо мной.

* * *

Дорога до ближайшего города оказалась долгой, но все-таки не бесконечной.

Новый день был в разгаре, когда я стояла посреди шумного проспекта, запруженного экипажами. Слева и справа мчались кэбы и всадники. Я шарахнулась в сторону, когда меня чуть не задавил какой-то ретивый кентавр, и в три прыжка оказалась на безопасном тротуаре. Недовольные крики возниц ударили мне в спину, и, хотя я знала язык шэрхен, мне не удалось разобрать все тонкости озвученных ругательств.

А жаль: судя по слову «д`гайла» – «вилка для выковыривания улиток», – там было что-то нетривиальное!

Откуда я знаю слово «д`гайла» на шэрхенлинге – это уже другой вопрос. С ним, пожалуй, к Дахху и его увлечению высокой кухней.

Как и дорога, тротуар был выложен из плотно подогнанных друг к другу темных досок, но слегка приподнят над землей. По бокам от проспекта спиральями устремлялись в небо иссиня-черные шпили. Эдакий антипод нашей белоснежной Башни Магов, хотя форма та же – как у морской раковины. Материал зданий напомнил мне пемзу с побережья – та же губчатая структура, те же мягкие формы.

Деревьев вокруг было мало. Хотя, признаем, в любом городе мало деревьев по сравнению с Шолохом. Виднелись только частоколы сосен. Их голые стволы торчали такими одинокими палками, что у меня, уроженки Лесного королевства, слезы наворачивались на глаза. Зато меж

домов щедрими горстями были разбросаны скалы. Острые, будто зубья акулы, они поблескивали на солнце.

– Хей! – окликнула я проходившую мимо парочку студентов. – А как называется этот город?

Они даже не удивились. Большинство шэрхен – воплощенное спокойствие. Или высокомерие, как посмотреть.

– Пик Волн, – ответили студенты.

Ну здравствуй, Пик Волн.

Значит, я в одной из двух шэрхеновских столиц, приморской. Хорошо, что не в Пике Грез – этот находится в скалистом центре острова, и, если бы меня каким-то боком увело туда с побережья, я бы точно не нашла себе корабль домой.

Я плотнее запахнулась в летягу – по проспекту гулял свежий морской ветер – и быстрым шагом двинула вперед.

Куда идти – я не знала.

Но иногда нужно просто идти, и знание приложится.

* * *

Чудные ароматы из первого же трактира заставили меня захлебнуться слюнями.

Но вместо того чтобы удовлетворить настойчивое урчание желудка, я стиснула зубы и вильнула вбок – на тенистую сосновую аллею, где острый запах свежей смолы и торфа привел меня в чувство.

Надо было срочно разобраться с отсутствием денег. Платежеспособность – главное качество кандидата в едоки. А я грезила этой ролью.

После некоторых раздумий я пошла в посольский квартал. К счастью, местные не гнушались указать направление незнакомке, пропахшей солью и водорослями.

Стройное здание шолоховского посольства напомнило мне Иноземное ведомство в миниатюре: резной фронтон, острые шпили, розетки окон, прицельно собирающие свет. Тяжелые бархатные полотна с вышитыми на них гербами качались под крышей. К крыльцу вели семнадцать ступеней – символическое напоминание о семнадцати знатных Домах Шолоха.

Сердце мое сладко екнуло: я почти на родине! Однако, собравшись шагнуть на первую ступеньку, я оробела...

Вдруг для Лесного королевства я все еще преступница?

Ведь как было дело: когда нас с куратором обвинили в измене и бросили в тюрьму, я смогла сбежать. А Польша остался в темнице. Но ненадолго: хранитель Карланон отменил казнь моего коллеги. По идее, Польша уже должен быть свободен.

А вот амнистию для себя я не попросила.

Мне бы хотелось надуться павлином и заявить, что причина заключается в моей колоссальной самоотверженности, но... Боюсь, я просто забыла.

Конечно, был шанс, что Карл без подсказки попросил для меня помилование, так сказать, сделал это *«по умолчанию»*. Но и вероятность обратного была высока. Хранитель тоже мог забыть. Или завредить (он называл это *«борьбой с читерством»*).

Я долго топталась на месте, гадая: в розыске я или нет? Выяснить это здесь, в Шэрхен-мисте, не представлялось возможным. Разве что зайти внутрь, назвать свое имя, попросить о помощи... И при плохом раскладе оказаться в кандалах. Опять. А это не тот опыт, который мне хочется повторить.

Посольские стражи подозрительно хмурились, поочередно указывая на меня глазами: мол, что делать с ней будем, дружище? А что с ней поделаешь – пока на ступени не шагнула – ни в чем не виновата. За любопытство денег не берут.

Наконец я отвернулась и со вздохом побрела прочь. «Осторожность превыше всего», – годами твердил нам магистр Орлин. И сегодня я последую его завету.

– Так, ладно. – Я задрала подбородок и уперла руки в боки по «бодрящему» рецепту Кадии. – Ищем альтернативу.

Проходивший мимо шэрхен с собачкой покосился на меня. Ох, точно. С «пляжной» привычкой размышлять вслух, чтобы не свихнуться, надо завязывать.

– Вы не подскажите, где здесь ближайший ломбард? – спросила я.

– Там. – Собачник махнул рукой в сторону башни в конце песчаной аллеи.

Согласно табличке у входа, ломбард тут действительно был. На шестом этаже. Шесть десятков ступеней, что к нему вели, я посвятила волшебной науке Вытаскивания Себя из Депрессии. На каждой ступени я придумывала по одной причине для благодарности. «Я в стране, где мои предки жили четыре века, ура!», «Я все еще жива, ура!», «Я уже гораздо ближе к Шолоху, чем вчера, ура!», «И к шестому этажу тоже ближе, чтоб вас, праховы небоскребы... В смысле, ура!». Под конец с причинами было туго, но я кое-как справилась. Ввалилась с жизнерадостной улыбкой, натянутой всего-то на семьдесят процентов.

Но даже напускное благодушие все равно расположило ко мне горбатого ростовщика.

Он с ходу предложил выкупить плащ-летягу (ему очень приглянулся плотный лазурный шелк, пусть и драный местами), но я отказалась. Вот еще! Летяга сейчас – мой единственный друг.

Зато я вытащила значок Ловчей – и со звоном плюхнула его на стойку.

Бронзовая бляшка размером в пол-ладони приятно тыкалась мне в ребра последние трое суток. Это был единственный предмет, помимо фонарика Карла, который шолоховские тюремщики не нашли во время обыска в темнице. Но фонарик забрал Карланон, а вот значок невольно отправился путешествовать вместе со мной.

Он провалился в подкладку сквозь дырку в кармане, и я нашла его, только когда решила постирать плащ в соленой морской воде. Это, кстати, была плохая идея: летяга до сих пор стоит на мне колом, как неродная.

Ростовщик увидел удостоверение Ловчей и округлил глаза:

– Вы точно хотите это продать?

– Да, – твердо сказала я, хотя пальцы дрогнули, инстинктивно сжимаясь вокруг значка.

Профиль ястреба на эмблеме смотрел на меня с укором. «Эх, – будто говорил этот гордый хищник, символ нашего департамента, – предательница».

Ростовщик замялся. Потом тактично объяснил:

– Ничем не могу помочь, леди. Это незаконно.

– Хорошо. Черный рынок у вас есть?

Оценщик аж подавился.

– Вот у нас в Шолохе есть, – доверительно сообщила я. – Рокочущие ряды называется. Еще есть Потаенный рынок, но это так, несерьезно. Для туристов в основном, чтобы пищали от радости, «чувствуя опасность».

Подслеповатый ростовщик сторбился еще сильнее и понизил голос:

– Я прошу прощения, но у нас не принято обсуждать такие темы вслух...

– Могу написать на бумажке. – Я развела руками. – Я ведь не от хорошей жизни значок продавать собралась. Мне позарез нужны деньги. Так сильно, что сейчас я даже не могу вам заплатить за информацию, хоть и хочу.

Оценщик суетливо замахал рукой, мол, что вы такое говорите, девушка! Потом обеспокоенно заглянул мне в глаза:

– Он хотя бы ваш?

Я задрала левый рукав летяги, демонстрируя татуировку Ловчей. Это была точная копия значка: две эмблемы одна над другой – полуразвернутая карта мира и голова птицы в профиль.

Татуировка не светилась, потому что я не могу колдовать в классическом смысле слова, но иностранца-шэрхен все устроило.

– Хорошо, – вздохнул горбун.

Он покопался под прилавком и вылез обратно с грязно-серой визиткой:

– Отправляйтесь в портовый квартал и отдайте это уборщику в баре «Тридцать три селедки». Он проведет вас.

Я горячо поблагодарила его и пошла к выходу из ломбарда.

– Но я бы все-таки не продавал! – крикнул мне в спину ростовщик.

– Это всего лишь значок, пустая формальность, – соврала я и вышла в стильный башенный подъезд.

* * *

Центральная часть Пика Волн поражала архитектурой.

Помимо витых башен, тут были диковинные деревянные домики с многочисленными балкончиками, фонарями, свисающими с крыш на длинных цепях, с угловатыми лесенками и переходами, которые могли связывать поверху целые кварталы. Некоторые дома стояли на берегу на сваях, под ними плескалась морская вода и гулко стучались лодки.

Это было красиво. Но из-за темного цвета, главенствующего в городе, он казался мрачным даже в солнечный летний день.

Я поежилась. Чернота вокруг давила на психику, и без того ослабленную одиночеством. Единственное, что ободряло меня, – это мысль о том, что Полынь прожил тут пятнадцать лет.

Пятнадцать лет! Получается, все детство? Все подростковые годы куратора прошли здесь, за изучением запредельной магии Ходящих? Я представила себе маленького, насупленного, лохматого Полынь, уворачивающегося из-под лошадиных копыт на оживленных улицах острова, и мне полегчало. Хоть что-то общее у нас с этим городом есть. Жить можно.

И вот наконец я пришла в портовый квартал.

Он встретил меня запахами дыма, моря, сосновой коры. В Пике Волн вечерело, и толпы моряцкого народа косяками плыли туда и сюда. От общего потока отделялись ручейки посетителей, вливающих в кабаки. Всюду зажигались оранжевые огни, в руках ночной стражи появились факелы.

Таверну «Тридцать три селедки» я нашла легко. Она пользовалась бешеной популярностью: железная вывеска, изображавшая стайку рыб, призывно блестела, ко входу тянулась очередь, а на витрине помадой было написано плотное расписание барных конкурсов. Судя по нему, сейчас шла игра «Кто выпьет быстрее».

Когда пришел мой черед заходить, охранник попросил к осмотру мою сумку, да вот беда – сумкой-то и не пахло! Равно как и платежеспособностью, вследствие чего я лишилась традиционного «хорошего вечера, леди».

Внутри было негде протолкнуться. В свете синеватых магических сфер немного можно разобрать, но я уж постаралась. Все столики заняты, в углах обжимаются, возле бара царит безумие поднятых рук. Несколько мужчин с огромными кружками сидели на стойке и на скорость хлестали брагу, а толпа горячо их поддерживала.

Грохотала музыка – страшный хаос духовых инструментов. Публике, впрочем, нравилось: матерые бандюганы, обнявшись и рыдая, раскачивались под исступленный рев кларнета.

– Небо голубое... – подивилась я вполголоса.

– О, отличная песня! – басовито заорали сбоку. – Лишка, понеслась! «Не-е-е-ебо голубо-о-о-ое, что ж меня так кро-о-о-оет...»

– «Что ж меня так кроо-о-о-оет, мне бы да на во-о-о-олю...» – с чувством подхватили слева.

Я пискнула, пригнулась и ужом ввинтилась в толпу, подальше от запевалы, который, кажется, уже видел во мне свою лучшую подругу, если не любовь всей жизни.

Впереди мелькнула серая фигура с метлой. Вот он, мой уборщик, моя путеводная звезда сегодняшнего вечера! Сжимая в ладони грязную визитку, я мелкими перебежками рванула за ним.

У барной стойки меж тем начался новый раунд конкурса – уже с другими участниками. Гул болельщиков нарастал, и внезапно в их дружных воплях я расслышала словосочетание, которое заставило меня споткнуться.

– Кадий Мчун! Кадий Мчун! – скандировали зрители.

– Ка-а-а-дий Мчу-у-у-ун! – высокой трелью вывела красотка-официантка.

Я резко развернулась на сто восемьдесят градусов.

Что, галлюцинация?

Оранжевика оказалась ядовитой?

Зрители сорвались в аплодисменты и одобрительный свист. Кое-как прорвав ряды плотно сбитых моряков, я вынырнула точно у стойки.

– И первое место занимает наш иноземный гость! – взревел хозяин притона, надевая картонную корону на пшеничные волосы победителя.

Тот улыбался во все тридцать два и махал поклонникам широкой ладонью. Его загорелое лицо светилось гордостью, пустая кружка бликовала, а голубые глаза шурились, как у объевшегося рыбками кота. Он в упор не замечал меня, поглощенный своим триумфом.

– Ах! – восторгалась официантка. – Кади, ты мой герой!

– А ну-ка объяснись! – зашипела я, дергая его за штанину.

Звезда вечера, пронырливый Мелисандр Кес, псевдоисторик, саусбериец и авантюрист, только ойкнул в ответ и съехал с барной стойки.

Кадий Мчун

*Никто так не меняет историю, как историки.
Орбис из Дома Крадущихся, Глава кафедры источниковедения в
Шолоховской Академии*

Попросите меня охарактеризовать Мелисандра Кеса одним словом, и я скажу – самоуверенный.

Мы были знакомы недолго, но я уже знала: он из тех людей, кто живет так, будто у него в кошельке лежит официальное разрешение творить что вздумается – с личной подписью Отца Небесного.

Сокрушительная харизма, беспощадная. Полный бесповоротный каюк.

Еще в начале весны Мелисандр Кес служил патологоанатомом в жандармерии Саусборна. Но потом случилась трагедия: погиб его брат, который писал диплом о шести старинных амулетах. Увидев тело брата в морге, Мелисандр чуть не свихнулся от горя и... Решил продолжить его исследование.

Что на деле оказалось не столько научной работой, сколько авантюрными поисками артефактов. Да еще и с большим криминальным уклоном.

Меня саусбериец сделал невольной пособницей в одной из своих краж, что обернулось грандиозными проблемами на работе. А сам Мелисандр тогда просто сбежал. С тех пор мы не виделись.

– Какого праха?! – бушевала я, за рукав вытягивая его из бара.

– М-м, а как насчет приветствий?.. Нет?.. Это для тебя слишком традиционно?.. Что ж! Тогда давай уточним: что именно «какого праха»? – беспечно хохотнул Мелисандр.

– Для начала: почему они называют тебя Кадием Мчуном?

– Потому что я так записался на границе.

– Зачем?!

– Кадия из Дома Мчащихся достойна уважения и всяческого восхваления. Я как мог способствовал ее популярности.

– Так нельзя, Мел!

Бум! Мы все-таки вырвались из духоты таверны и теперь на улице стояли друг напротив друга, как бойцы на ринге. Точнее, как один боец – я. И его развеселенький и слегка отлетевший приятель с блаженной улыбкой.

– Фью! – присвистнул Мел. – Такая гневная. Ревнуешь, потому что я не использовал твое имя?

Я в ответ зарычала, да так, что Кес отшатнулся и звонко захлопнул рот.

– Ты бросил меня, Мелисандр! – рявкнула я даже громче, чем собиралась. – Оставил на растерзание иджикаянциам! Ты правда считаешь, что это нормально? Ты хоть понимаешь, каково мне было?!

– Детка, только не говори, что ты в таком состоянии из-за меня... – опешил Кес, который наконец-то хорошенько меня разглядел. Он неверяще коснулся пальцем длинной царапины на моей щеке, и глаза его наполнились искренним ужасом.

– Нет. Это другое, – вынужденно признала я. – Была еще одна порция приключений. Но...

Ох, зря я это сказала.

– Ага! – тотчас взбодрился Мел и по той же щеке триумфально меня потрепал. – Значит, мой проступок не так уж серьезен, раз ты не только вывернулась, да еще и успела вляпаться во что-то новое! Хм, а что ты делаешь?..

– Готовлюсь тебя придушить, – объяснила я, закатывая рукава.
– Эй-эй! – Кес перехватил мои запястья. – Мне правда жаль, Стражди.
Я посмотрела на саусберийца исподлобья.
– Правда! – Он молитвенно сложил руки на груди.

Вот умеет он скорчить трагичную рожу, ничего не скажешь. Прямо-таки эксперт в сожале-ниях, воплощенные стыд и совесть.

Я поджала губы, потом отвернулась и молча побрела по улице. Мелисандр шел рядом, подстраиваясь под мой шаг.

Островная ночь привечала нас, как куртизанка – любимого клиента. Звезды на небе свети-ли ярко, даже чересчур. Залив тихо блестел под луной, что-то шепча переливами: громче, тише, снова громче... Плеск прохладной воды приносил запах соли и далеких странствий. Люди вокруг послушно разбивались по парочкам, но мы с Кесом, хоть и были в том же интим-ном количестве, носили куда более угрюмый характер.

– Тинави, как я могу загладить свою вину? – пару кварталов спустя спросил саусбериец.
«Никак», – хотела ответить я, но вместо этого резко остановилась.
– Ты хочешь прощения?

Мел по инерции сделал еще шаг вперед, потом с интересом качнулся обратно.

– Конечно, хочу. А почему ты так покраснела? – протянул он загадочно.
«Загадошшно», – как сказал бы кентавр Патрициус, любитель местечковых сплетен.

Я действительно залилась краской. Ибо просьба моя была так себе:

– Дай мне денег, а?

Глаза Мелисандра полезли на лоб.

Я присела на каменную скамью набережной, подобрала плоский булыжник и с размаху пустила его прыгать по воде. Тихий плеск успокаивал... Всех, но не чаек, прикорнувших на парапете: с нецензурной чаячьей бранью они взлетели и раскрасили свое отступление аван-гардными белыми кляксами.

– Я оказалась тут случайно, настоящей бродягой, и теперь хочу вернуться домой. Я соби-ралась продать значок Ловчей, но этого все равно не хватит на билет до Шолоха, и... – Я мах-нула рукой. – Короче, если у тебя найдется десять золотых – считай, мы в расчете.

– Десятка?! Дешево же ты оценила мое предательство, – обескураженно пробормотал Мел.

– Значит, ты все-таки понимаешь, насколько это было отстойно, да? – Я криво усмехну-лась.

Он вернул мне усмешку и развел руками.

– Прости, – повторил опять, теперь безо всяких ужимок.

На сей раз я поверила.

Потом Мел тоже опустился на скамейку. Удивленно покачал головой, будто отвечая каким-то своим мыслям, и наконец хлопнул в ладоши:

– Будут тебе деньги, Ловчая. Сколько понадобится. И билет на корабль – он отплывает через три дня. А пока хочешь интересную историю? Или, может, хорошо прожаренный стейк для начала?

Я даже не успела ответить. Желудок предательски и восторженно заурчал на всю улицу, тем самым ясно расставив приоритеты. Мелисандр заржал и жестом поманил меня обратно к ко-сым рядам кабаков.

* * *

Очень скоро мне начало казаться, что жизнь моя прекрасна и удивительна, Шэрхенми-ста – лучшее место для внепланового отпуска, а Мелисандр Кес – чудеснейший из людей. И

неважно, что это он забил первый гвоздь в мой карьерный гроб детектива по делам чужестранцев.

– Магия, Мелисандр! – орала я, перекрикивая очередной троллий коллектив с саксофонами. – Она оказалась такой фигней, ты бы знал! Есть она, нет ее – вообще по барабану! Стоило волноваться!

– Веришь, нет: я так же думаю про карьеру. Всю жизнь мечтал дорасти до королевского Свидетеля Смерти, а теперь вижу, что мое призвание – совсем в другом.

– В чем? В воровстве? – слишком громко хихикнула я.

Сидевшие за соседним столиком эльфы замерли: их острые уши дружно свесились по бокам от пышных причесок. Мел с силой наступил мне на ногу под столом.

– В баловстве, говорю! – «уточнила» я еще громче. – В баловстве с этими дешевыми амулетиками, да?

Эльфы успокоились. Мелисандр тоже.

– Да, – подтвердил он. – Тайны амулетов разрастаются, и я начинаю думать, что... А. Погоди. Вряд ли ты хочешь сейчас слушать лекцию по истории.

– Хочу, хочу!

Расплатившись, мы снова выкатились на набережную.

Мелисандр галантно предложил мне свою кожаную куртку, что, увы, не делало погоды – на летягу не налезет, под летягу – так летяга не налезет... Глупость какая-то, почти рекурсивная сказка. Типа той, что учат дети в Шолохе: «Круст пришел к ундине в гости. Видит круст – в ракушке кости: «Как?!» Ундина отвечала: «Погоди, начну сначала... Круст пришел к ундине в гости...» и т. д. и т. п. Все детство меня мучил вопрос: неужели ундина *съела* этого грешного лешака? Ундины же, по идее, пескетарианки?

Мелисандр прервал мои размышления, напомнив, что у него тоже есть загадочная история, причем не такая идиотская.

– Помнишь, я рассказывал, что искомые шесть амулетов были созданы за пару лет до уничтожения Срединного государства?

– Да. Еще помню, что они посвящены богам-хранителям.

– Это как раз неважно. – Мел отмахнулся. – Отставим легенды, оставим науку.

О да. Знал бы господин Кес, что хихикающая рядом с ним особа лично представлена трем богам...

Мы брели вдоль кромки моря, мимо лодок, каравелл, рыбацких судов. Пристань закончилась, превратившись в песчаный пляж. Лунная дорожка на воде сияла так резко, что казалась фальшивой. Вдалеке пели... Прах бы побрал этот Пик Волн – весь день, всю ночь поют. А еще говорят, шэрхен – самый чопорный из народов Лайонассы.

Мелисандр продолжил:

– Как бы то ни было, три амулета я уже раздобыл.

– Ого. Шустро ты!

– Остальные найду еще быстрее, вот увидишь. Спасибо Пику Волн: в этом городе полно полезных документов со времен срединников. В отличие от Шолоха, кстати. Вся моя поездка к вам была ошибкой. Нужно было сразу ехать сюда.

– Это точно.

Он фыркнул и взъерошил мне волосы.

– Среди прочего я раскопал кое-что, что должно заинтересовать тебя. Оказывается, создателем амулетов был Хинхо из Дома Страждущих.

– Хинхо из Дома Страждущих? Кто-то из моих предков?

– Не просто кто-то, а прародитель твоего рода! – патетически воскликнул историк. – Ты что, никогда о нем не слышала?

– Не-а.

Мел скорбно, по-актерски, закрыл ладонью лицо.

Затем пожал плечами:

– Ну а я теперь настоящий спец по твоему пра-пра...деду. И знаешь, в его истории есть несколько загадок.

– Каких?

– А тебе точно интересно? Что-то не вижу энтузиазма.

– Мел! Имей совесть!

– Хорошо... Итак. Тайна первая. До падения срединников Дома Страждущих не существовало. Он возник уже тут, в Шэрхенмисте. Хинхо – первый задокументированный человек с такой фамилией.

– А как же раньше назывался мой Дом?

– Понятия не имею. Я надеялся, ты мне скажешь. А вот почему вы именно Страждущие, я, кажется, знаю.

– Почему?

– Твои версии?

Я задумчиво пнула случайный камешек на мостовой. К моему величайшему изумлению, то, что выглядело древней окаменелостью, оказалось вполне живой улиткой. Отброшенная ударом на метр улитка вылезла из раковины и гневно шевельнула усиками.

– Извини! – Я прикусила губу, но гордый моллюск, разочарованный во всем роде человеческом, уже обреченно полз прочь, к уплывающему в ночи пляжу.

Что касается версий... Что ж, с детства мне нравилось мусолить на разные лады имя своего Дома: я придумывала жуткие и героические истории о том, почему оно такое грустное и одновременно красивое. Я поделилась с Мелом парой своих старых гипотез. Он с усмешкой выслушал, а потом наставительно поднял указательный палец:

– А теперь слушай мою идею. Хроники гласят, что Хинхо пришел в Шэрхенмисту уже после 1147 года. Он работал в Прибрежном легионе, когда Срединное государство уничтожили.

– Да ладно? – Я опешила. – Seriously?

– Ага. Представляешь, *что* ему повезло увидеть?

– Точнее, не повезло... – пробормотала я.

– Поэтому и Страждущий, – серьезно согласился Мелисандр.

Дело в том, что в 1147 году Срединное государство – страна наших предков – было беспощадно стерто с лица земли.

В одночасье. И целиком.

Его мирную столицу, город Мудру, с неба выжгли драконы. Военные отряды соседних стран захватили деревни и форты. А так называемый Прибрежный легион – исследовательский лагерь ученых, военных и магов, находившийся на месте нынешнего Шолоха, зажали в тиски две вражеских армии и устроили там такую резню, что о срединниках-легионерах до сих пор не принято говорить в полный голос...

Это их кости лежат у нас под дворцовым курганом.

Мелисандр продолжил:

– Хинхо каким-то образом выжил. Когда он добрался до Шэрхенмисты, из вещей у него были только эти шесть амулетов. И все. Он никогда не рассказывал о случившемся – даже принял обет молчания. Что, впрочем, не помешало ему завести тут семью. Правда, потом он ее бросил: уехал и стал путешественником, дошел аж до Западных Пределов.

– Но почему он молчал?..

– Вот-вот. Мой брат разрабатывал гипотезу о том, что Хинхо скрывал нечто важное и боялся проболтаться. Что-то, связанное с этими амулетами и с падением срединников. С тем,

как все-таки беспощадно перебили ваших предков. Не понимаю, почему ваш народ вообще с этим смирился: еще и забыть пытается всеми силами...

Я только горько вздохнула.

Есть такое.

Дело в том, что гибель срединников – большое место для нас. Мы считаем, что во многом они сами виноваты: их жестокая политика, чрезмерная гордыня и имперский гонор были *невыносимы*. Недовольство окружающих накапливалось и однажды вылилось в реки крови... Да, это была не война, а бойня. Но ведь не бывает дыма без огня.

– Обвинять жертву – последнее дело, – не согласился Мел. – Мне интересно, чем была последняя капля. Та конкретная финальная причина, из-за которой драконы и другие страны устроили такой кошмар. Особенно драконы! Зуб даю: я соберу амулеты и что-нибудь да пойму. Этот квест от меня не сбежит.

– Удачи, – искренне пожелала я.

Мелисандр притормозил возле лесенки, ведущей с набережной на пляж, и кивком предложил проследовать к воде.

Когда мы спустились к морю – здесь, в городе, оно казалось почти домашним по сравнению с дикой стихией «моего» пляжа, – Мелисандр засунул руки в карманы и улыбнулся:

– Тинави! Самое главное. Я думаю, тебе нужно присоединиться ко мне.

Внезапно.

– А я-то тебе зачем сдалась, Кес?

– Ну, во-первых, мне скучно.

Зашибись довод.

– А во-вторых, я что, зря сейчас разглагольствовал? Собака ведь зарыта рядом с твоим прадедом! Плюс ты теперь крутая волшебница, как я понял. А я полный ноль в магии. Вместе мы добьемся гораздо больших успехов. Ну и наконец... Я все-таки не до конца понимаю, зачем тебе домой, если мир вокруг так любопытен.

Я только головой покачала.

Мел предостерегающе поднял руку:

– Не спеши отказывать! Дела обсудим утром. А пока давай праздновать нашу волшебную встречу. Если судьба себя как-то и проявляет – то именно в таких случайностях.

* * *

В полночь, если бульварные часы Пика Волн не врут, мы стояли напротив университетского здания, которое чем-то напоминало оплывший торт безе.

Над полукруглыми окошками тут и там были вырезаны медальоны в виде игральных карт. На каждом шпиле – по каменному шутовскому колокольчику. Высокий кованый забор с узорами в виде покерных фишек окружал заросший скалами двор.

– Университет посвящен хранителю Рэндому, поэтому так забавно выглядит, – объяснил Мелисандр. – В городе это главное и единственное высшее учебное заведение.

– Хм. Интересно, наши Ходящие¹ тоже здесь учатся?

– Понятия не имею. Они что, учатся в Шэрхенмисте?

Мы подошли вплотную к ограде. Я вдруг почувствовала колоссальную усталость и тоскливо уперлась лбом в металлические вензеля забора. Они приятно охладили кожу.

– Мой куратор оказался бывшим Ходящим, – поделилась я с Мелисандром. – Врал всем на протяжении двух лет.

¹ Ходящие – они же тенивики – шолоховская контрразведка. Два года назад Теневой департамент был расформирован, в Шолохе осталась только дюжина Ходящих в личном подчинении короля.

– О! – Саусбериец тоже прислонился к воротам. Правда, спиной, а не лицом. – Если хочешь, можешь плюнуть сквозь решетку. Охраняют тут спустя рукава.

– Но Полынь был прекрасным куратором, – с досадой возразила я.

– Тогда не плюй, – милостиво разрешил Мелисандр и подхватил меня под локоток. – Пошли, покажу еще интересности.

* * *

К рассвету мы успели обойти все достопримечательности Пика Волн.

В темноте было здорово. Никаких людей. Никаких билетных касс. Кес пролезал везде и всюду, ловкий, как угорь. В узких штанах, белой рубашке и кожаной португее, он был похож на блудного археолога, звезду материковых комиксов. Я рядом с ним казалась несчастной беженкой: мятая летяга, выгоревшие волосы, обезумевший взгляд и рваное ухо.

Тем не менее наш экзотический дуэт успешно посетил все, запланированное Кесом. Мы посмотрели дворец наместника Исцинари, сад горного хрусталя, непроглядные графитовые катакомбы и черное озеро Истинных Намерений.

Мелисандр провел в Пике Волн меньше месяца, но не зря говорят, что в путешествии сутки идут за неделю. В центре города Кес разбирался не хуже, чем местные. А может, и лучше.

Рассвет мы встретили на пляже.

Кес, разлегшись на вулканическом песке, как вышедшая из морских вод наяда, неистово изливал мне душу:

– Ярый патриотизм – самое удобное прибежище для тех, кому больше нечем гордиться. Нормальный человек должен гордиться собой – своими достижениями в выбранном деле, своими поступками на ниве общечеловеческой морали. Если здесь он провалится, то можно начать гордиться своей семьей, то есть примазаться к чужим подвигам под оправданием родственных генов. Если и тут не прокатило, то можно начинать кампанию беспрецедентной любви к своему городу – у нас лучшие дороги, лучшие дома, лучшие жители. А вот когда и город твой – сплошная шелуха, тогда уже и до патриотизма недалеко. В столицах-то все больше космополиты... Знаешь, очень легко любить целую страну, если задаться такой целью. Активная политическая жизнь нашего мира способствует тому, что в воздухе одновременно жужжит и вьется невероятное количество интерпретаций и точек зрения, все они озвучиваются весомыми людьми, опираются на подтвержденные факты (пусть и вырванные из контекста), выглядят потрясающе убедительно. Выбирай любую. А выбрав, постарайся только не думать сам и не слушать взглядов противоположных, ничто не должно поколебать твой патриотизм. Люби страну, люби, гордись и наслаждайся!

– Мелисандр, ты пьян.

Я рисовала на песке закорючки, просто так, не задумываясь. Сложившийся из них рисунок вдруг напомнил мне о шолоховском маньяке и о том, как он зарисовывал жертв перед убийством... Я вздрогнула и ребром ладони выровняла песок.

Кес продолжил:

– Неважно. Алкоголь просто делает меня смелее, позволяет озвучивать то, о чем обычно я рассуждаю сам с собой, боясь осуждения, а то и тюрьмы... Ты хоть знаешь, сколько людей гниет сейчас в подземельях Саусборна за то, что просто высказали свое мнение, без призывов к революции, без угроз? Можно отстроить целый паршивый городок... Да и ты сама, Тинави. Храни свои тайны сколько влезет, но я не думаю, что тебя сюда закинуло чисто по магическому недосмотру.

Он был прав. Я тоже улеглась на мокрый черный песок.

– Какая разница, Мел? Ты хороший человек. Я хороший человек. Все мы хорошие люди, ну кроме самых отбитых извращенцев. Разве эти размышления о патриотизме что-то меняют? Нет. Вот и начинай с себя.

– Мой квест, Тинави. Он может что-то изменить. Я говорю тебе: с падением срединников что-то нечисто. Я не верю, что информацию об амулетах Хинхо так тщательно вырезали бы из учебников, если она не была бы важна с политической точки зрения. Ты ведь помнишь, что никто-никто не воспринимает искомые мною амулеты всерьез? А между тем от них так и разит магией, когда они оказываются рядом друг с дружкой... Даже я, не колдун, чую.

Мелисандр повернулся на бок. Его глаза фанатично поблескивали, в глубине зрачка будто кто-то карты тасовал. Я лишь покачала головой, дивясь почти незнакомому мужчине рядом, незнакомому городу в отдалении, незнакомой магии в крови.

– Пойдем со мной на квест, Тинави.

– Пойдем, – неожиданно согласилась я.

Набежавшая волна Шепчущего моря изловчилась и резанула холодком по моим голым лодыжкам.

Я подтянула ноги поближе и еще раз подтвердила согласие:

– Да, пойдём. Что я, в конце концов... Сама ведь мечтала наполнить жизнь всем и сразу. Но сначала – в Шолох. Потому что у меня там своих незаконченных квестов полно. Мне нужно убедиться, что дома все хорошо. Что моего куратора выпустили из тюрьмы, мои друзья в норме, а принц Лиссай вернулся живым и здоровым. Если все в порядке – отлично, да будет квест. Боюсь, на работе меня все-таки не ждут...

– Даже если и ждут, – отмахнулся Кес, заправив мне прядку волос за ухо. – Со мной определенно веселее.

Я улыбнулась:

– Спасибо, что помогаешь мне сейчас, Мел.

Жуткий день для моей совести

*Кто легко подозревает, тот не столь умен, сколь вероломен сам.
Философ Ви' Га, Срединное государство*

Разбудили меня очень скоро. По ощущениям – вообще так через пару секунд.

Какая-то женщина орала на Мелисандра, а он чистил свежеморозильную рыбу прямо на песке. У него откуда-то взялись удочка, банка с червяками и ведро.

Одетая в тельняшку и шаровары дама рвала и метала:

– Какая такая отмена?! Я уже парней всех собрала, ты это понимаешь? – Ее голубоватая кожа и синие волосы намекали – чистокровная шэрхен.

«Голубая кровь» – знаете такое выражение? Вот оно про аристократию шэрхен. Они издавна питались исключительно с серебряных блюд, серебряными приборами, и отравление аргентумом вызвало у них какие-то странные оттенки крови... А столетия спустя мутация коснулась и волос. Я не Дахху, не смогу объяснить научно, но факт остается фактом: у шэрхен-дворян и их бастардов волосы синеватые. У шэрхен-без-понтов – льняные, как у Мелисандра.

Меня насторожил градус их ссоры. Я притворилась, что сплю, но навострила уши.

Мел между тем пожал плечами и потер переносицу:

– Отмена значит отмена.

– А неустойка? – взвилась женщина.

– Нет убытков – нет неустойки.

– Мы на тебя кучу времени потратили.

– Ты так со всеми клиентами говоришь, милая?

– Только с такими тупыми, как ты.

Мелиандр медленно встал. В левой руке он мрачно сжимал тушку окуня:

– Еще раз назовешь меня тупым – убедишься, что я очень рьяный патологоанатом.

– Я требую неустойку!

– А я требую, чтобы ты свалила отсюда куда подальше. Мы договоров не подписывали.

Так что до свидания.

Дамочка сжала кулаки. А потом быстро пошла прочь. Песок воинственно разлетался от ее шагов – будто земля от самовзрывающихся ядер. Мне стало неудобно.

Мелиандр закончил с несчастным окунем и повернулся ко мне.

– А ну-ка, подъем! – зычно крикнул он. – Нас ждут великие дела, Тинави.

– Какие? – зевнула я.

– Очень приятные. Ближайшие два дня мы отдыхаем и набираемся сил, а в воскресенье вечером пойдем на экскурсию в университет.

М-м-м. В прошлый раз Мелиандр тоже звал меня на экскурсию... Ровно перед тем, как обмануть. Но он ведь не считает меня настолько наивной, чтобы дважды провернуть один и тот же трюк?

Поколебавшись, я решила не оглашать свои сомнения. Лишь вскинула брови:

– Но мы же уже были в университете?

– Мы были *около* него, это совсем другое. У меня экскурсия давно запланирована. Интересная, ух! Гид нам все расскажет, покажет тайные ходы времен Айдечи – были тут такие шишки когда-то.

– Мел. Ты ведь мне не врешь?

– Про Айдечи-то? Не вру, конечно! – Господин Кес расхохотался. – Экскурсия тебе понравится. И уж точно больше, чем вкус этих рыбешек. – Он критично осмотрел улов в ведре

и, принявшись, скорбно покачал головой: – Нет, есть это не стоит, – после чего широким жестом выплеснул содержимое ведра в море.

Я вскрикнула:

– Ты что творишь?!

– Позавтракаем в городе.

– Но зачем ты их ловил?

– Ну что ты прикопалась? Рыбалка – отличное развлечение. А чистка – мне надо практиковаться хоть на каких-то трупах, извини уж за прямоту. Не людей же резать.

Насвистывая незатейливый мотив популярной песенки, он направился к городу.

Я мрачно уставилась на туманную полосу морского горизонта. Этим утром мой спутник резко перестал быть симпатичным. Хотя, возможно, это мое восприятие шалит после пляжного заключения. Легко быть дружелюбной оптимисткой дома, но в передрыгах характер портится... Я встряхнулась и подмигнула морю. Ничего. Прорвемся!

* * *

Дни в ожидании корабля мы провели в Пике Волн.

Остановились в уютной гостинице «Песок и пепел», где я несколько часов подряд отмочала в деревянной ванне, пытаюсь вернуть себе приличный облик. Вроде бы получилось. А вот письмо на материк, как мне сказали, посылать бессмысленно: пока его доставят, я приеду туда сама.

Были выходные, и чернящий Пик Волн кипел жизнью. Разношерстная публика празднично шаталась по улицам, и сорящий деньгами Мелисандр чудесно сливался с толпой. Я же постоянно думала о друзьях и, в отсутствии информации, начинала тихонько сходить с ума. Только Мел отвлекал, за что я была ему благодарна. Он трепался обо всем на свете целыми сутками, но, как ни странно, тему нашего квеста обходил стороной.

Также мое недоумение росло пропорционально количеству островных сладостей, которые саусбериец пытался в меня впихнуть. Это при том, что я к ним равнодушна, о чем сразу же сказала. Потом еще раз. И еще. Наконец я просто передарила сладкую вату проходящему мимо ребенку.

Но Мелисандр не сдавался.

Зачем же он это делает? Что, ухаживает? Заботится?

Я искоса глянула на своего боксероподобного спутника с хитрой рожей. Нет, точно не заботится. Что-то тут нечисто.

Параллельно с нашей тихой борьбой на почве десертов я всеми способами намекала, что пора бы купить мне билет до материка, но Мел виртуозно игнорировал намеки. А когда я спросила в лоб, он пожал плечами:

– Так все уже схвачено, Стражди. Как я говорил, наш корабль отходит в понедельник. Так что расслабься и наслаждайся этим чудесным городом!

– То есть у тебя и для меня есть билет? Ты ведь не знал о том, что мы встретимся.

– Да, у меня и для тебя есть билет.

– Мел, ты что-то недоговарива...

– О! Смотри! Уличные артисты, давай поглазеим. Взять тебе пряников?

* * *

В шесть вечера воскресенья мы снова стояли перед университетом. Через ворота выливался непрекращающийся поток студентов – как раз закончилась последняя пара. Молодые,

беззаботные, в обнимку с учебниками, они с восторгом вдыхали морской ветер свободы после долгих учебных часов.

За высшим образованием в Шэрхенмисту съезжались со всего света. Здесь, в стенах университета имени Рэндома, слушателей равняли под одну гребенку – каждому выдавали по длинной черной мантии и учебной шапочке. Забавная строгость, учитывая, что Рэндом – самый безумный персонаж среди богов: шулер, картежник и плут. Эдакий прельстительный джокер.

Я его всегда обожала. Интересно, что было бы, сведи меня судьба с ним, а не с Карла-ноном?

Так странно – до сих пор не могу поверить, что мифы про хранителей оказались реальностью... Хотя нет, мифы – нет. Признаем: человеческая тяга к преувеличениям и неразборчивый почерк летописцев расправляются с истиной быстрее, чем голодный бродяга – с сэндвичем. Карл вон тоже на «себя» из легенд не слишком похож. Мало того, что мальчишка, так еще и какой-то подозрительно милый. Не то что тот рыцарь-паладин с двуручным мечом наперевес.

Про умницу Теннета, павшего до жалкого убийцы, я вообще молчу...

Впрочем, я отвлеклась.

Вернемся к глухой униформе студентов! Она была слишком жаркая для летнего дня. Поэтому, стоило студенту шагнуть за ворота, мантия сминалась и небрежно запихивалась в рюкзак, а шапочку студент заталкивал в боковое отделение, да так грубо, что ее квадратные картонные поля опасно хрустели.

И вдруг, как по волшебству, становилось видно, насколько студенты разные...

Синеволосые шэрхен, загорелые тилирийцы и смуглые иджикаяны, коренастые степные жители, феи (для них были крохотные мантии) и тролли (тут, напротив, супербольшой размер), гномы и гордые северяне. Среди прочих затесались жители подводной Рамблы – блесны, – будто голые без дыхательных аппаратов, которые они вынуждены носить на дне. И еще красноглазые нюкты из горных королевств. Где-то в толпе даже мелькнули крылья пустынного ангела – сложенные под курткой горбом, как принято...

Нет, не подумайте. Шолох – тоже многонациональное государство. В конце концов, мне ли, сотруднице Иноземного ведомства, не знать!

Но здесь это было похоже на глобальное разоблачение, снятие масок. Черная толпа одинаковых студентов вдруг оживала, сдирая с себя мантии, являя миру свое прекрасное, свое особенное «я».

Да здравствует непохожесть! Свобода, проявляющаяся в каждом жесте. Смелость, гордость быть собой. Да здравствует сложность – суть разнообразие!

Меня заворожило это зрелище.

А потом я чихнула.

– Будь здорова! – дежурно отозвался Мелисандр, который в ожидании гида сидел на пеньке и листал свои записи.

Я чихнула еще раз и тотчас резко повернулась. У меня за спиной, шагах в десяти, шушукались трое студентов. Они хмурились, исподлобья глядя на меня. Родные шолоховские лица!

– Эй! – Я рванула к ним. – Как? Как вы *это* делаете?

Студенты испугались и прижались друг к дружке поплотнее. Хорошо, что не убежали.

– Вы студенты-Ходящие, я знаю, – кивнула я, подойдя. – Но как вы *Читаете* мысли на расстоянии? Ведь для этого надо посмотреть в глаза, разве нет? И да, все в порядке, у меня просто стоит блок. Вы все делали правильно.

Один из троих, смешной, круглолицый, пожал плечами:

– Пока татуировка *Чтения* свежая, смотреть в глаза не надо. Она подпитывает наши силы. Потом, когда учеба закончится и мы вернемся, уже придется. – Голос у студента был серьезный и взрослый.

Но я, глядя на него, мысленно хихикнула: а налезет ли вообще на его круглую физиономию золотая маска теневика? Ох! Хорошо все-таки, что меня не *прочитаешь*.

– Если вернемся... – мрачно бросила его однокурсница. – Ты же слышал новости – это просто кошмар...

Пареньки зашикали на нее. Я всполошилась:

– Какие новости? Шолоховские новости? Что там?

– А вы вообще кто? – набросилась бойкая девчушка уже на меня. – Что-то я не вижу у вас Глазницы!²

Я машинально убрала правую руку за спину и бросила взгляд на запястье будущей Ходящей. У нее татуировка в виде багрового ока была. Но вот стрела вокруг имелась только одна, а не классические пять. Видимо, их наносят по очереди, в порядке изучения запредельных Умений³.

Трое студентов выжидающе смотрели на меня.

– Я из Шолоха. Ловчая на службе Иноземного ведомства.

– И что, вы нормально относитесь к Ходящим? – неверяще спросил студент, до того молчавший.

Его серые глаза наполнились надеждой... Напрасной, боюсь. Мое нежное отношение к Ходящим, во-первых, касается лишь одного-единственного экземпляра, а во-вторых, отнюдь не отражает мнение остальных шолоховцев.

– И что, вы не знаете последних новостей? – язвительно перебила девочка. – А покажите-ка ваше удостоверение! И назовите ваше имя! – Она повысила голос. – Вы вообще кто такая?!

Студенты вокруг стали коситься на нас. Хуже того – двое охранников у забора медленно побрели в нашу сторону.

Я изобразила крайнюю степень возмущения, и тут, ура, меня окликнул Мелисандр. Рядом с ним стояла низенькая, пухленькая дама с завязанными в пучок волосами цвета индиго.

– Тинави! Погнали! Не заставляй госпожу Сторику ждать!

– Что ж, в другой раз поболтаем! – слотнула я и позорно сбежала от студентов.

* * *

...Вообще я люблю экскурсии. А еще историю, литературу, искусство, языки. Все такое гуманитарненькое. Но если мысли заняты одним – ничто другое не пойдет.

Я, как зомби, ходила вслед за Мелисандром и экскурсоводшей. Что там, в Шолохе? О каких новостях говорила незнакомая девочка-Ходящая? Воображая картины одна ужаснее другой, за полчаса я накрутила себя так, что впору было звать армию игривых котят – пусть распутывают бешеный клубок моих нервов, сама ни в жизнь не справлюсь.

– Хей, конфетку будешь? – Кес прервал мои страдания.

Мы стояли в так называемом зале географических карт.

Посреди комнаты был установлен громадный глобус. Девяносто процентов его поверхности занимала синяя краска – она изображала море. Единственный материк был подписан «Лайонасса». На нем вольготно разместились пятнадцать суверенных государств и несметное множество вольных земель и племен. На востоке от материка бумерангом застыл остров Рэй-

² Глазницей называют эмблему Теневого департамента: рисунок в виде багрового ока, вписанного в ромб, в который летят пять кинжалов.

³ Хей, напоминаю! Ходящие обладают пятью «запредельными» способностями: Читать (мысли), Прыгать (сквозь пространство), Скользить (с большой скоростью), Созерцать (произошедшее на этом месте в течение последнего часа) и Блекнуть (становиться невидимым).

Шнарр – и, черными слезинками, десятки атоллов Шэрхенмисты. Еще несколько крупных островов находились к югу и западу от материка.

Старинные географические карты завешивали все стены зала. Это были дорогие, золотом выписанные изображения в тяжелых рамах. Потолок был расписан созвездиями, важными для мореходов.

– ...Герцог Айзино приказал создать эту комнату в XV веке, – надтреснутым, но жуть каким интеллигентным голосом вещала экскурсоводша. Она слегка прикрыла глаза, позволив себе утонуть в океане истории. – Это было смелое решение, которое...

– Конфетку будешь? – Мелисандр, который так и не дождался моего ответа на свой первый вопрос, непочтительно перебил гида.

Госпожа Сторика озадаченно умолкла, поправила пенсне на носу. Я покачала головой:

– Не буду, спасибо.

Кес высоко поднял пшеничного цвета брови:

– Ты хорошо себя чувствуешь, да? Энергично?

– Вполне. – Я недоуменно пожала плечами.

Стало слышно, как в углу комнаты, как раз возле карты Кнассии, зажуужал толстобокый шмель. Успокаивающее, летнее пение... Уже ведь июнь.

Вдруг Мелисандр снял с пальца перстень с пронзительно-синим камнем и сочувственно улыбнулся гиду:

– Извините! – после чего ткнул Сторику самоцветом в шею.

Камень, коснувшись сухой старушечьей кожи, вспыхнул яркими голубыми искрами. Однозарядный магический перстень!

Гид всхрипнула и молча осела на подставленные руки Кеса.

У меня отвисла челюсть. Мел сорвал с шеи экскурсовода ее удостоверение, подбежал к карте графства Норшвайн и подцепил карточкой какой-то хитрый крючок на обратной стороне рамы. А потом стал ожесточенно дергать карту справа налево.

– Мелисандр! – ахнула я. – Ты что делаешь?!

– Открываю тайный ход, естественно!

Тяжелая золоченая рама всхлипнула и дернулась. Мел навалился на картину всем весом, и медленно, со скрипом географическая карта поползла вбок. За ней оказался пыльный, затянутый паутиной коридор.

– Быстро за мной! – приказал Мел и сиганул в черноту проема.

Я со свистом втянула воздух, но все же не рискнула орать свое любимое «КАКОГО ПРАХА?!» рядом с уснувшей экскурсоводшей.

Внутри у меня зашевелилась злость. Страшная. Сжав кулаки, зажмурившись, я глубоко вдыхала и медленно выдыхала. Еще не хватало разнести этот университет подобно дворцовому острову в Шолохе! К тому же я поклялась Карлу колдовать правильно. Без эмоций. А если за что-то и нужно держаться в неразберихе бытия, так это за данное слово, за свою ответственность...

Так что тише, девочка. Ну подумаешь, он снова обманул, ну хобби у тебя такое – верить придурку Мелисандру Кесу. Вон Польша говорил, что мы наделяем людей теми качествами, которые присущи нам самим. Будем считать, я сама не способна на такую ложь, поэтому не жду ее от других, – а это, согласитесь, уже не так плохо, как быть просто наивной душой...

...Вроде отпустило. О, великая сила самовнушения!

Затравленно оглянувшись, я выругалась и рванула в секретный проем вслед за Мелом.

– Ты тут? – не оглядываясь, спросил он. – Наколдуй нам свет, Стражди! А в конце коридора нужно будет отпирающее заклятие.

Я тихонько взвыла.

Так вот зачем были сладости. Многие народы, в том числе соотечественники Мелисандра, верят, что сахар повышает уровень магии в крови. Это совсем не так. Даже в случае классической ворожбы, не говоря уж о карловой⁴. Но мотив наконец-то понятен.

– Мать твою, Мел! – зашипела я, догоняя саусберийца. – Куда мы идем?!

– В Магический Арсенал города Пик Волн. Их с университетом объединяет тайный проход. Ты что, экскурсию не слушала?

– Так, ладно. – Я все еще пыталась успокоиться. В окружении пауков, мерзких личинок и сырых стенных камней это было непросто. – А зачем мы туда идем?

– Как зачем? Забрать четвертый амулет, который здесь хранится. На днях же квест обсудили.

– Вот именно! Обсудили и все, без продолжения. Информация про срочную кражу нового артефакта там явно отсутствовала, Мел! Разве что ты отстучал ее мне морской азбукой между делом, да еще и предварительно убедившись, что я смотрю в другую сторону!

– Кхм... Тинави, нам нужен нормальный свет. Эта свечка не особо-то помогает, а тут есть ловушки, – Кес весело проигнорировал упрек.

– Свечка?! Но почему ты хотя бы факел не взял?

– А как бы я его охране объяснил, интересно?

Резонно. Привыкшие к студенческим безумствам охранники и впрямь обыскали нас с головы до ног. Вот только сонный перстень не отобрали: маленький он слишком, одноразовый.

– Ты наколдуешь нам свет или нет? – нетерпеливо повторил Кес.

– Вообще-то я не умею это делать, – скромно прокашлялась я.

Мел остановился. Повернулся, не веря.

– Ты не умеешь?.. Но это ведь начальная ступень магии! Все в Шолохе умеют! Я читал!

– Где? В дешевой газетенке? Тем более у меня не та магия, что у остальных.

– Но вчера ты рассказывала, что на какой-то миссии взорвала прахов храм! Храм, Тинави! Мне нужна от тебя эта магия.

Я тихонько застонала. Язык мой – враг мой. Разрушение храма Белого огня – это, конечно, интересный эпизод, но вряд ли стоит включать его в резюме. Кто ж знал, что Мел – потенциальный работодатель?⁵

– Да с храмом была случайность!

– Так. Ладно. Ты нервничаешь, я понял. Но я в тебя верю. Главное – правильная мотивация. Даю тебе время до конца коридора, чтобы найти в этой случайности закономерность, а не то... – заявил Мел и шагнул вперед.

В ту же секунду от стены, противоположной той, вдоль которой мы шли, отделилась густая тень булавы. Привет, ловушка. Я рухнула на пол, увлекая за собой патологоанатома – спасибо тренировкам по тринату, никакой магии не потребовалось.

Когда шипастое оружие просвистело над нами туда-сюда несколько раз и успокоилось, я рискнула выдохнуть.

Возле щеки обнаружили кожаные ботинки Кеса. На роль подушки точно не тянет. Саусбериец располагался дальше. Свечка потухла и укатилась, оставив нас в крошечной темноте.

Я обиженно стукнула ногу Кеса:

– Знаешь, Мел, я не нанималась в подмастерья ворюги. Ты обманываешь меня во второй, чтоб тебя, раз. Либо ты сейчас же объясняешь свой долбаный план до последней черточки, либо я разворачиваюсь и иду обратно, по пути сдавая тебя охране!

⁴ Классическая магия призывает бороться с унни, навязывать ей свою волю, прогибать ее согласно своим желаниям. Карлова магия жидется на принятии унни и единении.

⁵ В любом случае я нехило приврала. В версии для Мелисандра получалось, будто я разрушила храм по приказу Польни. Якобы это была продуманная ведомством операция захвата преступника, а не вышедшие из-под контроля нервы по причине того, что маньяк пытался убить моего лучшего друга.

Конечно, я блефовала.

Но из черноты снизу раздался расстроенный вздох, и Свидетель Смерти с удивительной неохотой рассказал мне суть ограбления. Стало ясно: я запомню этот день как самый жуткий день для моей совести.

Конфетки и кальсоны

*Одна из главных несправедливостей нашей работы заключается в том, что творить беззаконие обычно интереснее, чем соблюдать закон.
Мастер Саграйда Бон, глава Правого Ведомства*

В устах Мелисандра все звучало просто.

И как-то даже невинно. Что удивительно, согласитесь: ведь мы шли на ограбление Магического Арсенала. Это вам не легкий грешок типа свидания с обаятельным хулиганом, которое надо сохранить в тайне от маменьки! Хотя своими повадками и уговорами Мел очень напоминал такого хулигана.

Ситуация была следующая. Именно в Магическом Арсенале города Пик Волн хранился четвертый артефакт из шести. Этот амулет Хинхо из Дома Страждущих подарил жене, прежде чем отправиться в путешествие по Лайонассе – во второй половине жизни он внезапно стал паломником. Все таким же молчащим. Жена, в свою очередь, пожертвовала амулет в храм – вместе с горой старых вещей Хинхо.

Артефакт («безделица металлическая, украшена красным стеклом и рунами, посвящена богине Дану») пролежал на храмовом складе четыре века. Аккурат до 1575 года – тогда потомки срединников вернулись на материк и там основали собственное государство – то есть Лесное королевство, где я живу.

Жители Шэрхенмисты, покинутые своими подзадержавшимися гостями, собрали в кучу весь оставшийся от них скарб и сдали его в краеведческий музей. В том числе амулет Хинхо.

А еще век спустя «шолоховскую коллекцию» раскидали по другим учреждениям согласно происхождению и функционалу экспонатов. Там-то и выяснилось, что «безделица» обладает слабой, но явно разрушительной магической аурой. Поэтому после экспертизы амулет отправили в Магический Арсенал.

Отсюда мы и должны были его выкрасть.

– Грош цена твоим артефактам, если за все это время шэрхен ни разу не нашли амулет полезным, – буркнула я.

– Не мне тебе объяснять, что в магии целое – это больше, чем сумма слагаемых. Соберем шесть артефактов, там и разберемся с ценой.

Мелисандр сосредоточенно ползал по глиняному полу темного коридора. Он не терял надежды отыскать потерянную свечу. Я калачиком свернулась под сырой стеной и прислушивалась: не отодвигает ли кто потайную дверь? Не скрипит ли новая ловушка?

– Почему ты не хочешь просто купить его, Кес?

– Магический Арсенал находится в управлении Военного ведомства. Они по закону не могут торговать экспонатами, даже самыми дурацкими.

– А если тайно? Подкупил стражника – и готово.

Голос Мелисандра, невидимого в темноте, наполнился презрением:

– Тинави, у меня есть честь! А ничего ниже и паскуднее взяточничества не придумаешь.

– Что, воровство лучше, что ли?

– Лучше. Так ты получаешь желаемое за свои мозги, хитрость, смелость... А не поощряешь жадность отдельных индивидов.

Я громко фыркнула и покачала головой.

Меня удивляло, как в Мелисandre уживались банальная лживость и высокие принципы, вульгарная грубость и аристократичная галантность, семейная трагедия и полнейший фарс. Не человек, а хлопущка, набитая противоречиями. Не хочу быть рядом, когда он взорвется.

– И как же мы выкрадем амулет? – вздохнула я.

– Вообще-то я рассчитывал на твою магию...

Мел подошел и сел рядом.

– Сначала я договорился с местной преступной шайкой. Но наш с ними план был очень грязным. С тобой все получится куда чище. Получилось бы. Нужно только усыпить заклинанием стражников, потом отключить систему безопасности – просто заморозить ледяным облаком. Затем вскрыть ядовитый замок на сундуке, шепнуть заклинание-противоядие – ну и бежать, по дороге отражая охранные заклинания на автоспуске.

Я потеряла дар речи. Потом неудержимо расхохоталась, закрыв лицо руками.

– Ты серьезно? Всего-то? Вот такой у тебя был план?! – Мой смех перерос в рыдания.

– Эй, ты чего? – напрягся Мел и аккуратненько отодвинулся. Смелый-то он смелый, но от сумасшедших лучше держаться подальше.

– Усыпление... Ледяное облако... Взлом... Противоядие... Отражение... А-ХА-ХА!!! Ты правда думал, что я на такое способна?

При всем желании я не могла вспомнить ни одного волшебника, кто бы одинаково хорошо владел столькими специализациями сразу. Магистр Орлин разве что? Ну нет. Точно нет. Представив бородатого старца, скачущего среди охранных заклятий, как козочка, я расфыркалась, немного истерично, но очень весело.

– Мел, ты сама наивность. Не бывает таких чародеев, чтоб все и сразу.

– А мне Кадия говорила, что в Шолохе и не такое бывает... – мрачно протянул Мелисандр.

– Кадия? Да все слова Кадии надо делить на пять, а то и на десять! Особенно если она рассказывала это тебе в уютном баре под бутылочку шаверни!

Красноречивое молчание значило, что я угадала.

– Вот прах. А я ей поверил, – разочарованно ругнулся Кес.

– Да ей все верят. Красивым девушкам сложно не верить. – Я нахмурилась. – Надеюсь, грязь вашего плана заключалась не в том, чтобы убить стражников?

Мелисандр с неохотой признал:

– Нет, просто вырубить, но... Потом прикрываться ими от заклинаний, как щитами.

– Это отвратительно.

– А вскрывать своего мертвого братишку не отвратительно?

Я возмутилась, но промолчала. Такие вещи нельзя ставить рядом. Грубое насилие над логикой, манипуляция чувствами собеседника. Да и на ампулу жертвы далеко не уедешь – разве что по наклонной. Но не мне было упрекать Кеса.

Мой мозг продолжал перебирать варианты того, кто из магов способен выполнить озвученное Мелисандром техзадание... Польшь. Польшь смог бы.

Но не как чародей, а как Ходящий, с помощью запредельных умений. *Скользнул* туда, *Прыгнул* сюда, делов-то. Вместо взлома замка можно было бы *Прочитать* охранника. Подходишь к нему, заглядываешь в глаза, спрашиваешь: «А код от сундука – 4567? Или последнюю цифру сменили?» И стражник рефлекторно представляет верную комбинацию. А ты уже *считал* ее и дальше пошел. Хотя, конечно, такого эксцентричного лохматого чувака, как Польшь, охранник бы так просто не отпустил...

Эх, Мелисандр. Не меня тебе надо было с собой брать, а ту студентку-теневищу. Ей вон даже в глаза смотреть не требуется, чтобы *Читать*.

Кес между тем совсем пригорюнился.

– Знаешь, Мел. Еще раз втянешь меня в историю без моего предварительного согласия – я тебя нахрен испепелю, – жестко сказала я.

Несмотря на угрозу, он обрадовался:

– То есть ты все-таки можешь колдовать?

– Я могу колдовать, но весьма хаотично. Нельзя заранее сказать, что получится. И получится ли вообще.

– И что мы будем делать?

– Ты это устроил, ты и думай. – Я раздраженно пожала плечами.

Мы еще немного помолчали. Наконец я вздохнула:

– Ладно, раз уж я все равно здесь... Давай попробуем так... У тебя ведь остались конфетки?

* * *

Магический Арсенал города Пик Волн наполнился тишиной.

Тут и днем бывало немного народа, но после заката жизнь совсем прекращалась. Длинные сводчатые залы хранили безмолвие. Тонкий слой пыли покрывал шкафы. Отношение персонала к тайнам Арсенала было халатным, но магическая сигнализация все же тихо серебрилась по периметру комнат.

Вдалеке слышались шаги охранников, совершающих обход. Через пару минут они дойдут до зала, в котором мы вылезли из тайного хода.

Мелисандр и я кивнули друг другу: начинаем!

– И вот в семнадцатом веке правители города Пик Волн решают сконцентрировать все оружейные ценности в одном месте. Проект строительства Арсенала был препоручен архитектору...

Звучный голос Мелисандра Кеса постепенно становился громче, набирал уверенности. Я ткнула его в ребро:

– Не перебарщивай.

Шаги на секунду замерли, а потом ускорились. Дверь в наш зал распахнулась, и в проеме показалось два изумленных мужских лица.

– Вечер добрый, коллеги. – Мелисандр добавил несколько вежливых фраз на шэрхенлинге.

Один из охранников нахмурился:

– Что вы тут делаете?

У стражей была диковинная форма: обтягивающие черные комбинезоны, будто у акробатов. М-да, это очень некстати для нашего плана!

Мел прокашлялся и, подобострастно изогнувшись, затараторил:

– Я провожу экскурсию для гостя нашего города, достопочтенной Айнвилли из Дома Ищущих, королевского дома Шолоха, которая инкогнито посещает Пик Волн. Госпожа Айнвиль приехала с академическим визитом в университет, и ректор нанял меня для прогулки по наиболее значимым местам столицы...

Охранники смотрели на Мелисандра, как на умалишенного.

Но саусбериец так самозабвенно заливался соловьем, так активно размахивал украденным удостоверением экскурсовода и так уверенно вплетал в свою речь исторические факты об Арсенале, что стражи никак не могли понять, что с ним делать и в чем подвох. Я же стояла с брезгливой физиономией, достойной, как мне казалось, Дома Ищущих. Наконец я решила, что «госпоже Айнвилли» уже пора бы и утомиться.

– Мы продолжим экскурсию или нет? – Я капризно топнула ножкой, прервав Мелисандра. – Здесь так пыльно, что у меня в горле першит. Пойдемте дальше.

– А вы конфетку возьмите, госпожа Айнвиль. Уходить рано, потому что я вам еще не рассказал вот про ту комнатку – видите кованую дверь в западном углу? За ней хранится оружие, оставшееся в Пике Волн от ваших предков...

Мел продолжал триндеть. Я жеманно взяла конфетку, развернула, засунула в рот. На стражников мы перестали обращать внимание. Те недоуменно переглянулись.

Наконец один прокашлялся:

– Арсенал – объект стратегического назначения. Тут нельзя водить экскурсии.

Мелисандр обернулся и в притворном ужасе вытаращил глаза:

– Нельзя говорить «нельзя» наследникам иностранных государств... Госпожа Айнвиль, простите нас, гости вашего уровня так редки в Пике Волн...

– Ничего, – высокомерно фыркнула я.

И тотчас захрипела, схватившись за горло. Потом я повалилась на пол, щедро пуская изо рта слюни, и начала кататься туда и сюда, завывая. После особенно пронзительного взвизга я затихла, живописно раскинув по сторонам ноги. Охранники замерли.

Тягостное напряжение укутало Арсенал, как пуховое одеяло.

Мелисандр шумно сглотнул:

– Помощь! Срочно нужна помощь! – Псевдоисторик панически затряс одного из охранников. – Если госпожа Айнвиль умрет – нас повесят! Где ближайший выход?

– Никуда ты не пойдешь! – рявкнул тот, отцепляя от себя чужака. – Это твоя конфета ее отравила! Льовен, проследи, я за помощью!

И бравый боец в трико убежал, хлопнув дверью до щелчка – чтобы мы не сбежали, вестимо. По двери тотчас разлилась блестящая сеточка сигнализации. Льовен, оставшийся с нами, недобро зыркнул в сторону Мелисандра и присел возле меня на корточки.

Плохо так присел, неустойчиво, с отрывом пяток.

Тотчас мы набросились на стражника с двух сторон. Я ударила его по коленям и за плечи дернула к себе, а Мел прыгнул сверху, хватая за шею. Хорошо быть Свидетелем Смерти! Всегда точно знаешь, где у человека сонная артерия, и можешь его аккуратно «выключить».

Пока Кес возился с охранником, я уже сняла у того с пояса связку ключей и старательно подбирала подходящий к двери в каморку. Процесс был долгим, я нервничала.

У второго убежавшего охранника связки не было, так как Мелисандр стащил ее. Поэтому, даже если бы страж решил вернуться сразу, то не смог бы зайти через захлопнутую дверь. Но долго ли он будет бегать за помощью и сколько у нас времени – я не знала.

Наконец ключ подошел, и мы с Мелом ввалились в каморку.

– Вот этот. – Кес указал на небольшой сундук в углу. На сундуке была бирка: «Боевые амулеты». – Три, два, взяли!

Пошатываясь на ходу, я старалась не отставать от патологоанатома, который целеустремленно тащил сундук обратно в большой зал. Кодовый замок на крышке таинственно мерцал лиловым. Вобьешь не ту последовательность – поприветствуешь проклятье.

Мы плюхнулись сундук на подоконник и распахнули окно. Холодный ночной воздух влажно, как щенок, лизнул мне нос. Три этажа вниз, а там – небольшой плац из черных булыжников, хилые игольчатые кусты и высокий забор.

– Будем надеяться, сработает... – прошептала я.

– Три этажа, детка! Точно сработает.

Саусбериец с ноги пнул сундук, и тот, скрипнув петлями, ухнул наружу.

Мы перегнулись через подоконник, с замиранием сердца наблюдая за его падением. Длительность оно недолго. Повстречавшись с мостовой, ларь жалобно всхлипнул, взвизгнул и раскололся в щепу. Сиреневое облачко спиралью взметнулось из кодового замка. Обычно в таких случаях проклятие бросается на взломщика, но тут взломщика не нашлось, поэтому облачко в нерешительности поплыло прочь по пустому двору Арсенала...

В дверь у нас за спиной заколотили.

– Льовен! Открой! – раздался голос первого охранника.

Льовен на полу слабо завозился. Мел запрыгнул на подоконник.

– Мне страшно, – пискнула я не своим голосом.

– Да мне тоже. – Патологоанатом отмахнулся.

И снял штаны.

– Что им стоило выдать охране нормальные плащи, да? Нам быгодились! А так – ходят в сутенерских комбинезончиках, позорище, – попробовал пошутить он, белея в ночи кальсонами.

Я лихорадочно перекручивала свою многострадальную летягу, как будто выжимая после стирки. Буквой «Х» сцепив получившийся жгут со штанами Кеса, я растянула в руках импровизированный канат длиной метра полтора. Негусто, но хоть что-то!

Идею я взяла из своего богатого ученического опыта... Как-то раз мы с Кадией и Дахху взобрались на крышу магистра Орлина – убегали от рассерженного вепря, на котором Дахху тренировал заклинание чистки зубов. Забраться-то мы забрались, а вот вниз спуститься не получалось: адреналина уже не было, а как в нормальном состоянии сползти по стене трехэтажного коттеджа – мы не знали. Короче, по итогам мы знатно развеселили самого магистра Орлина, сплетя из трех своих мантий такую чудесную «сосиску», что развязывать ее пришлось заклятьем.

– Удержишь? – заволновалась я, глядя, как Мел наматывает на ладонь противоположный от меня конец «каната».

– Да.

Саусбериец одной рукой и обеими ногами ухватился за оконную раму, другую руку свесил вниз. Жгут неглубокой петлей провис между нами.

– Давай! – кивнул Мел, и я с судорожным вздохом сползла с подоконника наружу, цепляясь ногами за шероховатости в стене. Наконец, ниже было некуда: я висела, как лягушка, сжимая трещащую ткань летяги. До земли все равно было слишком высоко.

– Прыгай, блин! – драматичным шепотом рявкнул Мел. Судя по крикам в здании, охранник Арсенала уже разжился подмогой, и теперь они дружно пытались деактивировать сигнализацию.

Я прыгнула. В падении я пыталась расслабиться, но куда там! Столкновение с землей было болезненным, я сгруппировалась и укатилась вбок с грацией мешка с картошкой. Потом вскочила на ноги, взъерошенная, испуганная. Вдруг я уже переломала себе все на свете, но еще не чувствую? Нет, вроде обошлось.

Я задрала голову.

Мел так же повис на руках, как и я минуту назад. У него не было этих полутора метров страховки, полученной благодаря одежде. Сочувственно шипя, я бросилась к развороченному сундуку. К счастью, в нем было не так много амулетов. Артефакт богини Дану я нашла сразу же: выхватила из груды других и крепко сжала в ладони. Сзади раздался удар. Я обернулась.

Мелисандр лежал на боку. Глаза у него были как у коровы – красивые и печальные.

– Жив?!

– Спина, – односложно ответил саусбериец и выругался. – Твой выход, волшебница.

Я прикрыла глаза. Унни, привет. Ты как там? Давно не виделись. Гармония в душе, ля-ля-ля, ручеек спокойствия, ля-ля-ля, единство со вселенной... Пожалуйста, помоги мне сейчас чуть-чуть. Ну чуть-чуть. Даже не мне, а вот этому несносному парню. Считай это благотворительностью, ладно? Дело хорошее, доброе, с тебя не убудет.

В ответ – тишина, никаких тебе тeneвых бликов.

Прах.

Я прикусила губу:

– Не получается. Мел, может, так дойдешь?

– Вот и доверяй после этого женщинам, – зашипел господин Кес, осторожно поднялся и, подволакивая ноги, похромал к забору.

Я прихватила жгут из одежды и поднырнула ему под руку, смиренно соглашаясь на роль костыля.

К счастью, хотя бы с оградой не пришлось мудрить и выкручиваться. Эту часть плана – удивительно! – Кес продумал, заранее расшатав несколько крупных камней в кладке. По его указанию я выбила их, мы вылезли наружу и на полусогнутых побрели прочь, тенью пробираясь меж острых скал, торчащих тут и там.

Мы держали путь в сторону порта.

Я заметила, что Мелисандр хромает все сильнее и сильнее. Лицо его побледнело.

– Так, останавливаемся! – решила я.

– Нас догонят, – неуверенно возразил он.

Но я лишь деловито затащила его под черную елочки лапы опускались до самой земли, как шалаш. В Пике Волн наступила ночь, тоскливая ночь с воскресенья на понедельник, и людей на улицах, на наше счастье, не наблюдалось.

Я осмотрела спину и ноги Кеса. Мда... Третий этаж – это только звучит несерьезно, а на самом деле можно так навернуться, что потом тысячу раз пожалеешь.

– Ты что, на всю стопу приземлялся, что ли?

– Да.

– Никогда так не делай! Позвоночник убить можно.

– Я знаю, Стражди, – гордо фыркнул он. – Я же спец по телам человеческим.

– Мертвым, ага.

– М-да, тут есть проблемка.

Где-то у нас над головой вдруг залился трелью соловей. Его пение разбудило мотыльков, которые прикорнули в трещинах елового ствола и теперь недовольно шебуршились, устраиваясь поудобнее.

Я снова воззвала к унни. Тишина.

Чувство единения с мирозданием никак не хотело приходить в столь неподходящих условиях – чужой город, Мел в подштанниках, колючая еловая хвоя под попой...

Я выдохнула, очень медленно, раз, другой, и попробовала мысленно воссоздать атмосферу Шолоха.

Светлая лесная поляна. Юный Карл, не знающий о том, что он хранитель, в красном комбинезоне, в окружении оленей (и нет, я не про нас с ребятами). Легкий запах жасмина и свежескошенной травы. Мне удастся поднять в воздух десяток книг, заранее притащенных из пещеры Дахху. Триумф! После занятия я пойду гулять с Кадией по вечерним набережным Верхнего Закатного Квартала... А наутро мы с Польньей будем пить обжигающий кофе на подоконнике в нашем кабинете, и куратор снова будет ускользать от расспросов, не желая делиться подробностями своего расследования. И жизнь впереди – большая, длинная, полная удивительных встреч, подвигов и возможностей – лишь руку протяни...

Что-то шевельнулось внутри. Теплый блик прыгнул на изнанку века, дружелюбно запульсировал, будто пес, виляющий хвостом. Потом еще блик и еще. Я почувствовала, как тяжелеют кончики пальцев.

– Ну привет! Достучалась-таки! – В моей голове раздался веселый и мягкий голос Дахху.

На самом деле не Дахху, конечно, а энергии бытия унни, которая с какой-то радости выбрала моего друга в качестве *интерфейса*.

– Привет-привет... – улыбнулась я.

Магия начала лечение. Мелисандр облегченно выдохнул.

– Все-таки на что-то ты сгодишься, – хлопнул меня по плечу патологоанатом, когда мы продолжили свой путь к порту. Я снова нацепила любимый плащ и была в таком хорошем настроении после ворожбы, что даже не огрызнулась.

Мы поднялись на борт быстроходной шукки, которая должна была доставить нас на материк. Капитан арендованного корабля молча кивнул, увидев Кеса, и приказал команде отчаливать. Выглядел он напряженно-испуганным. Кажется, не одни мы тут нарушаем закон!

– Я спать, – зевнула я. – Разбуди меня по прибытии.

– Да это двое суток, э! Ты столько не проспишь.

– О, поверь, Мелисандр! У нас с постелью особые отношения. Чистая и бессовестная любовь. Не завидуй.

– Хм. Не завидую, но теперь хочу, чтобы ты показала мне мастер-класс!

Но я показала лишь фигу.

На глубине

Я не мечтатель, я – мечта!
Фраза, которую Мелисандр Кес повторяет себе по утрам, пока бреется

Мне снилась какая-то мутная, несуразная дичь про то, что я – перекасти-поле и болтаюсь среди сельских дорог неведомого мира. Качусь туда, качусь сюда, и одна часть меня ликует – «свобода!», тогда как другая пугается пустоты. И вот я качусь и продолжаю катиться, пока не встречаю столб с указателями, и тогда замираю – мне хочется и не хочется – одновременно – выбрать себе путь...

Вдруг шея нестерпимо зачесалась.

– Я же просила не будить, – буркнула я, почувствовав, что рядом кто-то стоит.

– Отоспишься на том свете, – пообещали мне в ответ.

Сон улетучился, как окись балаган-травы. Моя рука, отправленная на важную миссию по чесу шеи, столкнулась там с лезвием ножа. Оно было обескураживающе острым. Я открыла глаза и увидела синеволосую шэрхен, которая ругалась с Мелисандром на пляже три дня назад.

Пиратка прижала оружие к моей нежной коже и, кажется, считала, что все в порядке. Она стояла расхлябанно, как в борделе: бедро вбок, подбородок задран, взгляд насмешливый и наглый.

– Вы кто? – проскрипела я тем мерзким голосом, что рождается в людской гортани сразу после пробуждения.

– Твоя гибель!

У этой дамочки смерть явно возглавляла топ тем для беседы. Поняв, что диалог не складывается, я попробовала отодвинуться. Кончик ножа неумолимо поплыл вслед за мной.

– Пшла на палубу, – рявкнула шэрхен.

Мне вспомнились правила поведения при захвате в заложники: мы зубрили их на первом курсе под строгим взглядом магистра Орлина. Несносный старец требовал, чтобы Кадия, Дахху и я наизусть зачитывали ему книжечку о чрезвычайных ситуациях, которая хранилась в верхнем ящике учительского секретера. Иногда я вспоминаю эти правила перед сном, одну за другой, вместо счета овец. Отлично работает.

«Не допускайте действия, которые могут спровоцировать нападающих к применению оружия и привести к человеческим жертвам», – представились мне ровные ряды печатных букв. Вот и ладненько.

Значит, пойдем на палубу.

* * *

Шепчущее море негодовало. Шквальный ветер обрывал паруса шукки, гребни волн взмывали выше бортов. Серая пена прокатывалась по качающейся палубе, с голодной жадностью набрасываясь на наши ноги. Низкое небо заваливалось то вправо, то влево и тем самым окончательно лишало душу остатков спокойствия.

Мелисандр Кес со связанными за спиной руками стоял перед длинной доской, выступающей далеко за борт, прямиком в бушующее море.

Пиратский суд... Час от часу не легче.

Синеволося шэрхен пинками проводила меня к патологоанатому. С десяток пиратов выстроились шеренгой вдоль кают. В луже из морской пены сидел связанный капитан – тот, что пустил нас на корабль. Так вот почему он нервничал! Когда мы погрузились на борт, его

шукка уже была захвачена: пираты наверняка где-то спрятались и ждали выхода корабля в открытое море.

– Что происходит?! – перекрикивая шторм, взвыла я, когда оказалась подле Кеса.

– Нас будут топить! – бодро отозвался он.

Мокрые отросшие волосы налепились ему на лицо, Мел извивался и отплевывался, пытаясь улучшить обзор. Я с омерзением почувствовала, как тонкие струйки дождя добрались до самых потаенных мест моего тела... Обмякнувшая летяга на плечах стала во сто крат тяжелее.

– Но за что? – почти простонала я, пока юный пират рывками связывал мне руки за спиной.

– Это та шайка, с которой мы планировали ограбление. Они надеялись на большую добычу и теперь не могут простить мне двух вещей... Во-первых, что пошел без них; во-вторых – что взял только один амулет. Пираты считают это глупостью, несовместимой с жизнью, – продолжал бодриться Мел.

Мне было не до шуток.

Я всегда боялась шторма. Толща черной воды, жадной, беснующейся под ногами, казалась мне древним чудовищем, ненасытным в своей ненависти. Километры темноты, уходящие вертикально вниз, давящая тишина, куда не проникает свет, слепые рыбы-фонарики – все это было чуждым и до отвращения нереальным. Краем глаза увидев, как очередная волна накидывается на наш скрипящий бриг, я впервые за долгие годы обратилась с молитвой к богам...

Очень жаль, что знакомство с ними никак не повлияло на ситуацию.

Агрессивная пиратка загнала Мелисандра на доску. На середине пути саусбериец обернулся, открыл рот и крикнул что-то, но ветер подхватил его слова и выбросил за борт, как мусор. Корабль накренился, и Мелисандр беззвучно ухнул вниз, в разверстую пасть моря.

Я вскрикнула.

Времени горевать не было... Синеволосая тетка уже толкала меня: настойчиво, механически, без всех тех разговоров, которых так ждешь от истинных злодеев. Я извернулась и попробовала пнуть ее в колено, смутно надеясь на чудесное спасение. Но мах ногой на мокрой доске оказался до глупости неловким – и, поскользнувшись, я также полетела вниз.

Столкновение с водой окончательно лишило меня чувств.

* * *

Возвращение к жизни было стремительным и некомфортным.

Кто-то с силой зажал мне нос и, когда я взбрыкнула, накрыл лицо плотной железной маской. Несколько секунд я интенсивно сучила ногами, пытаясь прощупать обстановку, а потом все вдруг стало нормально. Маска перестала ощущаться, и я смогла открыть глаза.

Я лежала на больничной койке. Руки, вместо того чтобы покоиться на простынях, чуть парили над матрасом. Ноги – так же. От лица во все стороны отходили тонкие прозрачные трубки, напоминающие кошачьи усы.

– Дышите нормально, – сказал блесен, склонившийся надо мной.

Блесен! Подводный житель!

– Я что, в Рамбле?

– Да. Я переустановил вам *придонную маску*. Давление и гравитация сейчас нормализуются.

И действительно – мои безвольно зависшие руки вдруг опустились вниз, будто я на поверхности, а не глубоко в море. Я осторожно пощупала лицо. Глаза, нос и рот скрывала мягкая, прохладная на ощупь накладка. Сквозь нее все выглядело ярче, чем должно: предметы светились, будто белый цвет под ультрафиолетом, а самые темные оттенки слегка пульсировали.

Эта маска – волшебное изобретение тех безрассудных смельчаков, которые пару тысяч лет назад решили, что им надоело жить на земле, и поэтому ушли под воду. Но факты – вещь упрямая: на глубине нечем дышать, зато есть проблемы с давлением, сопротивлением, распространением звука... В общем, почти *со всем*.

Однако смельчаки были упрямыми в своей придури и очень умными, а потому изобрели хитрое устройство – маску, избавляющую от вышеперечисленных неудобств.

Сегодня мы называем подводных жителей блеснами. Есть тут, в Рамбле, и другие – рыбьеголовые, настоящие туземцы. Обе расы уживаются мирно: на праздничных открытках их всегда рисуют в обнимку.

– Вы спасли нас? – спросила я врача-блесна.

Он кивнул, не вдаваясь в подробности. Потом отошел в другой конец палаты и начал обрабатывать мои вещи... Я с любопытством следила за процессом.

В Рамбле интересно обращаются с теми предметами, которые мокнут в воде – бумажниками, книгами, одеждой и так далее. На них выпускают *сухоняши* – улиток-переростков, которые, ползая, оставляют за собой склизкий фосфоресцирующий след. Этот след – специальная мембрана, которая сохраняет предмет сухим. Или же помогает ему быстро высохнуть с минимальными потерями – как в нашем случае.

Дай улитке порезвиться на твоём вечернем платье – и можешь смело нырять в нем в бассейн, если градус вечеринки позволит.

Таких сухоняш блесны с успехом продают в сельские районы Асерина: там они очень высоко ценятся этнологами и странствующими целителями, которые, бывает, на много дней увязают в проливных дождях Туманного Нагорья...

С моей летягой сухоняша справилась быстро, а вот куртка Мелисандра заставила ее опасно попятиться. Блесен критически посмотрел на улитку; потом взял куртку, похлопал по набитым карманам, заглянул в них, изумленно воскликнул и быстро вышел из палаты.

Тотчас двери снова распахнулись, и в помещение ворвался сам Мелисандр. С непривычки мне показалось, что на него напала медуза, которая подмяла лицо саусберийца и теперь пытается его сожрать. Громкий вопль, исторгнутый Кесом, только поддержал эту сюрреалистичную иллюзию.

Впрочем, это оказался вопль ликования.

– Мы живы, Ти! Мы живы! – буйно радовался Мел, трясая меня за плечи.

Я рассмеялась:

– Живы... Правда, я даже не успела сообразить обратного. Грохнулась в воду и обморок одновременно.

– Везучая! – завистливо выдохнул Кес, помогая мне подняться с койки. – А я еще побарахтался, поборолся за жизнь, что в условиях девятого, десятого и одиннадцатого вала было непросто... Как увидел акульки плавники рядом – все, думаю, кранты. Допрыгался. Кто твою-то смерть засвидетельствует, дурачина? Но плавники оказались фальшивыми. Их наши новые друзья присобачивают к подводным лодкам, как паруса, прикинь?

Вернулся блесен и начал педантично вводить мне какое-то лекарство под изгиб локтя. Шприц был настолько тонким, что я не почувствовала дискомфорта.

– Эх, Тинави! – продолжал радоваться Мел – теперь укол делали ему. – Как же здорово – жить! Жить на полную катушку!

Я рассеянно подняла брови, мол, и впрямь.

Мне стало как-то нехорошо...

Блесны переодели меня, и теперь длинная, в пол, перламутровая рубаха странно холодила кожу. Ее чешуйчатая ткань была как живая. Облизывала ноги прохладными язычками незнакомого материала, взбиралась вверх, стараясь потуже обтянуть шею.

Несмотря на маску, я не могла нормально дышать.

Кес еще что-то восторженно болтал, а я стала медленно оседать на пол. Удивительная ночнушка помогла приземлиться, насилу таща меня вниз. Блесен, отошедший в угол палаты, отвернулся и начал копать в каких-то склянках.

– Мел... – прохрипела я. На этом силы кончились.

– Ты что с ней сделал, гаденыш?! – возопил саусбериец, увидев, что творится.

Но потом, закатив глаза, Мелисандр и сам стал падать – как древний каменный колосс, очень прямо, медленно, лицом вверх, снося к праховой бабушке прикроватную тумбу.

Мир вокруг меня заполнился всполохами разноцветных огней. Я снова выключилась.

«Что за день! – воскликнул бы Дахху. – Ну что за день!»

* * *

Помпезный зал стал следующим куском моей разбитой мозаики под названием «сегодня». Я очнулась и обнаружила себя на троне.

Ого! Вот это поворот!

Но «живая» больничная рубаха никуда не делась. Она стискивала меня с любовной страстью и не давала шевельнуться, намертво приклеив мои руки к подлокотникам, а позвоночник – к спинке. Я только и могла, что растерянно оглядываться.

Обстановка смущала.

Мой трон стоял на сцене в небольшом театральном зале. Подводном, конечно: стеклянные стены обросли водорослями, вместо люстр – гигантские рыбы-удильщики на цепях, кулисы – водоросли, а пол отсутствует – лишь белесый песочек вздымается барханами.

Все места в театре были заняты: несколько десятков зрителей вальяжно развалились в коралловых креслах. У многих в руках были длинные трубки, пускающие жемчужные пузыри: не вполне безобидные, судя по чересчур томным лицам. Среди гостей я разглядела и блеснов, и рыбьеголовых, а в первом ряду полулежала сама подводная владычица в короне из ракушек...

Ой-ой. Это на какое шоу они все пришли? Только не говорите, что на меня!

Увидев, что я очнулась, королева выжидающе вскинула брови. Я сделала то же самое. Тогда она раздраженно закатила глаза, и тут я не рискнула повторять.

Так. Ну. Предположим.

– Приветствую, владычица! – с опаской кивнула я.

Теперь королева удовлетворенно кивнула, а потом прищелкнула пальцами. Гости плавно встали и склонились в глубоком поклоне, а из дальнего конца зала к нам выдвинулся некто в мантии с капюшоном и с грифельной доской. Его окружали рыбы, много-много рыб, похожих на мини-телохранителей.

«Капюшон» шел настолько медленно и уныло, что можно было свихнуться.

Я надеялась, что кто-нибудь по дороге даст ему пинка животворящего, но нет: рабловцев такой темп совершенно устраивал. Они продолжали стоять в поклоне, слегка покачиваясь от подводного течения, и, кажется, изредка серебристо смеялись без особой причины, а королева закинула голову назад и рассеянно разглядывала потолок.

Странно все это.

Рамбла, конечно, знаменита своей аристократичной заторможенностью и эксцентричностью, но происходящее сейчас совсем уж напоминает опиумный притон.

Когда «капюшон» наконец-то приблизился, королева что-то шепнула ему и указала на меня пальцем. Он ме-е-едленно повернулся. Елки-моталки. Он что, сейчас еще и к трону двинет?! В обход сцены, так же траурно?

Помогите!

Но обошлось. «Капюшон» лишь поставил доску на выдвижную треногу и начал писать. Этот стиль общения напомнил мне дело о тихом лодочнике, которым я занималась как Ловчая.

– «Приветствуем тебя в Рамбле, дочь верхнего мира».

Место на доске предсказуемо кончилось. Человек неторопливо стер написанное и приступил к следующей фразе.

– «Владычица Льянва Лои К`га Гэлдри предлагает тебе роль ночной рассказчицы».

Вот тут я совсем растерялась. Это еще что за ерунда?!

Десятки глаз смотрели на меня в ожидании.

– Спасибо, владычица Лья... Э-э. – «Капюшон» успел стереть имя королевы, а я его не запомнила. – Спасибо за предложение, и за спасение спасибо, но меня ждут на поверхности. Благодарю вас всем сердцем и прошу указать нам с другом путь на материк.

Я не стала выведывать, с какого перепугу блесны разглядели во мне рассказчицу и почему так диковато, нездорово развлекаются. Ситуация была крайне сомнительная, но мысль о долгой дискуссии посредством учебной доски угнетала.

– «От предложений Лои К`га Гэлдри не принято отказываться». – Выведенные «капюшоном» буквы прямо-таки светились укоризной.

– Просто я недостойна этой роли, поверьте. Мне жаль.

Владычица встала. Подданные с легкими стонами неудовольствия тоже опять поднялись.

Человек в капюшоне начал ожесточенно стирать с доски написанное, но королева остановила его жестом.

Она хрипло обратилась напрямую ко мне:

– Вы были на лодке с пиратами. Значит, вы преступники. Преступникам – наказание. Но нынче Рамбла милосердна... Поэтому вы будете гостями. Вам будет комфортно. Плата – ночные истории о жизни верхнего мира.

Я возразила:

– То, что мы были на лодке с пиратами, означает как раз-таки, что мы жертвы!

– Вещи твоего друга говорят об обратном. Фальшивые удостоверения. Магическое оружие. Дамские – краденые? – амулеты. Признак нечистой совести. Ты с ним.

– А как насчет презумпции невинности?

– В бездну презумпцию! – сонно отмахнулась королева.

М-да. А мы с Мелисандром на днях еще нашу политику осуждали...

Меж тем владычица стукнула о песок серебристым жезлом с сияющим наконечником.

– Идея с рассказчицей гуманна и справедлива, – поведала она. – Жаль, что ты не ценишь, чужачка... Тогда поступим иначе.

Несколько рыбаголовых внесли в тронный зал клетку с Мелисандром Кесом. Саусбе-риец двумя руками вцепился в прутья и клял «этих дохлых селедок» на чем свет стоит.

– Мы ждем историю. – Владычица подняла подбородок. – А скаты ждут дозволения...

Вышеупомянутые обитатели глубин, облепившие клетку изнутри, неожиданно напрыгнули на Мелисандра. Блестящие разряды тока саданули историка по плечам. Мел зашипел, как масло на раскаленной сковороде. Вельможи заахали от удовольствия.

– Хей, полегче! – Сказать, что я была в шоке от этих психов, – ничего не сказать. – Будет вам история. Не знаю только, зачем...

– Хочется, – объяснила королева.

И действительно: чем не серьезная причина.

Вдруг легкое изменение подводного течения сдернуло капюшон с головы человека, писавшего на доске.

Ох! Не зря во мне всколыхнулись воспоминания!

Ибо подле морской владычицы стоял Ол`эн Шлэйла, тихий лодочник. Ни блесен, ни рыбаголовый, серединка на половинку. По его собственным словам – рыбий хозяин. Перехватив мой взгляд, он отвернулся.

Ол`эн Шлэйла... Я вспомнила нашу встречу. Мы с Кадией должны были уладить конфликт между Шлэйлой и рыбаками-тилирийцами. Казалось, мы все сделали правильно, но... потом тилирийцы подожгли дом Шлэйлы. Видимо, тогда он и вернулся в Рамблу.

Я мрачно уточнила:

– О чем вам рассказать?

– О чем угодно. – Императрица склонила голову набок. Все ее подданные мгновенно сделали то же самое. Зеркалят, подхалимы.

И тогда я просто пересказала им дело о тихом лодочнике. Ну как – просто.

Превратила в сказку: перевела все в третье лицо, добавила красок. Представила себя рыцарем-паладином. Заменяла рыбьеголового на птичьеголового – живут же на западных островах люди с головами воронов.

Человек-птица в моей истории пытался понять, о чем поют небеса над Шолохом – так же, как настоящий Ол`эн пытался выяснить, о чем шепчет речное дно. Человек-птица узнал, что кто-то во вселенной допустил страшную ошибку и теперь мироздание рушится... Он напутствовал паладина, чтобы тот разобрался в происходящем.

Наша реальная история тут бесславно заканчивалась, но в вымышленной я продолжала.

Я рассказала о том, как паладин раскопал своим двуручным мечом все необходимые секреты. А потом направил «ошибившегося» на войну со злом – и война эта идет прямо сейчас, втайне от непосвященных. По страшному секрету я поведала, что паладин хочет рассказать человеку-птице о происходящем, но не может! Потому что его похитили глупые раскормленные голуби, которые клюют его прямо в маковку своими недалекими требованиями.

Однако, возможно, в следующей серии человек-птица спасет паладина? Тогда он узнает немало всякого интересного.

Тут я мстительно замолчала.

– И что, дочь верхнего мира? – Владычица обиженно надула губы. – Это конец?

– Пока да.

– Плохая из тебя рассказчица.

– Что же вы хотите от преступницы! Мой скудный ум не может с ходу придумать что-то получше, увы. Надо будет как следует поразмышлять в тишине.

Ол`эн Шлэйла смотрел на меня во все глаза. Стая рыб вокруг него в волнении трепыхала хвостами.

Сказка ложь, да в ней намек. К счастью, мой намек дошел до цели.

– Ну ладно, – зевнула подводная императрица. – Пока получается плохо, но завтра продолжишь. Еще раз оборвешь историю – несдобровать твоему другу.

Она томно махнула рукой, и клетку с ругающимся Мелисандром утащили куда-то вбок. На груди Мела я мельком заметила все четыре артефакта. Ну хоть какие-то плюсы – не отобрали наш трофей.

Перламутровая ночнушка наконец-то позволила мне пошевелиться. Более того, неугомонная одежда стала настойчиво подталкивать меня к выходу из зала, заставляя кланяться вельможам по дороге. Изысканные поклоны не помешали мне, впрочем, корчить им зверские рожи.

Длинными коридорами живая одежда увела меня в маленькую комнатку и там бросила на кровать, как тряпичную куклу.

Ох.

Дикая охота

Над Шепчуцим морем глубокая ночь, И старец в усталой лодчонке уснул, Сомненья и страхи откинуты прочь, Как будто Небесный Проказник слизнул. О бортики хлещет волна за волной, Но сон старика безмятежен и тих. Не знает, что прямо под ним, под водой, Королевской охоты бушует прилив...

Старинная песня

Я долго пыталась уснуть. Получалось плохо. Спать на спине я не умею, а волшебная ночнушка не позволяла выбрать другую позу.

В итоге до рассвета я просто валялась и костерила подводное царство на чем свет стоит. Я прошлась по каждой рыбешке, по каждой водоросли в Рамбле... Естественно, и себя не оставила без внимания.

Прахова кошелка! Ядрена мандаринка! Ну кто тебя, Тинави, просил связываться с этим дурацким Мелисандром?

Есть же люди – чуешь за версту, что у них любимые духи – «Пахнет Керосином». И все равно почему-то идешь, привороженный ароматом необычного... Зачем нам это? Почему у нас нет какого-то мудрого предохранителя, не дающего сделать неверный выбор?

Или неверных выборов в принципе не существует? Любая ситуация, с точки зрения вселенной, имеет равное количество достоинств и недостатков – смотря какую позицию займешь?

Единственным слушателем моих скорбных псевдофилософских стонов была мраморная скульптура драконихи.

На то, что это именно девочка-дракон, недвусмысленно намекал венец на чешуйчатой ящеринной башке. У драконов, знаете ли, матриархат. Вернее, был матриархат. Пока последняя королева не умерла, а новой почему-то не оказалось. Вообще ни одной самочки не нашлось, чтобы занять трон.

С тех пор драконы спят беспробудно... Как будто чего-то ждут. Или просто не хотят жить без своей королевы.

Дверная ручка в мою комнату медленно повернулась. Тихо тренькнуло – это звякнули бутылочные стекляшки, те, что у блесен играют роль звонка.

Ночная рубашка, прибившая меня к кровати, заинтересовалась происходящим. Она дернулась вверх, как разбуженная овчарка, и я с невольным любопытством привстала на локтях.

На пороге стоял Ол'эн Шлэйла. Прежде чем закрыть за собой дверь, тихий лодочник привычно подождал, пока внутрь проскользнет его рыба гвардия.

«Здравствуй, Тинави», – накорябал он на доске.

– Привет, Ол'эн.

Он замялся перед следующей фразой:

«А ты... расскажешь мне историю?»

– Да. – Я усмехнулась. Слишком уж это было похоже на приход грустного сынишки к маме поздно вечером: «Мам, а можно сказку на ночь?»

– Моя история про богов-хранителей, Ол'эн. Тебе понравится. – Я подмигнула лодочнику.

Он молитвенно коснулся пальцами лба. Щель, заменявшая ему рот, улыбочиво выгнулась на крупном, нечеловеческом подбородке. Рыбье лицо, казалось, не было предназначено для таких эмоций. Оно было тугим и неподвижным, как резиновая маска.

Ол'эн присел в ракушечное кресло, и я рассказала ему все.

Про то, как хранитель Карланон по ошибке выпустил Зверя, когда искал Отца; про то, как Зверь ранил Карланона, и Карланон сбежал в Шолох, а по дороге потерял память. Про

то, как я сама невольно стала мастером по возвращению воспоминаний. И что мы с Карлом, принцем Лиссаем и хранительницей Авеной поучаствовали в битве против Зверя. А потом нас разметало, как листву по осени: нас с Карлом – в Шэрхенмисту, Лиссая с Авеной – не пойми куда... И теперь мой друг-хранитель мечется по Вселенной, оценивая нанесенный Зверем ущерб, латая раненое Междумирье и выискивая врага.

Ол'эн выслушал историю, задумчиво покивал. Потом восхищенно накорябал на доске:
«А ты видела Авену, да?»

Точно. Они же, жители Рамблы, просто *сохнут* по этой хранительнице. Ведь у каждого из богов есть своя фишка. Так, Теннет, он же шолоховский маньяк, был пророком и повелителем времени, пока не потерял магию и совесть заодно. Карланон специализируется на защитных чарах и целительстве. Рэндом – мастер телепатии. Авена – божественная судья и воительница, которая в какой-то нелегкий этап своей биографии передвигалась по небу на рыбе. Как раз эта несчастная рыба заставляет всех в Рамбле болеть за белокурую богиню, как за свою.

– Да, я видела Авену! Она шикарная.

Тихий лодочник блаженно улыбнулся и вновь прижал пальцы ко лбу.

Я перевела тему:

– Ол'эн, почему ты вернулся в Рамблу? Из-за склочных тилирийцев? Прости, что я не проследила...

Полумесяц улыбки сполз с лица Шлэйлы. Он обернулся на своих рыб: рыбы нервно мельтешили вокруг драконьей скульптуры.

Лодочник вздохнул. Писчее перо запрыгало в руках Шлэйлы.

«Нет. Просто когда мир падет, я хочу быть рядом со своей семьей».

– Мир не падет, ты чего!

Кажется, я переборщила с описанием Зверя и его приспешников.

«Но дно все еще боится. Боится даже сильнее, чем раньше. Знать вдыхает толченые жемчуга, чтобы забыться, но кошмар не уходит от сладостной дымки, лишь набирает силу. Рамбла сейчас сонная и беспощадная из-за страха».

Что ж, не зря театральные зрители показались мне странными.

– Но почему вы боитесь? Я же говорю – Карл вернулся к своим обязанностям.

Шлэйла опустил взгляд.

«Врата открыты, – написал он. – Нет гарантии безопасности».

– Ол'эн, давай не будем пессимистами. В жизни вообще никогда нет гарантии безопасности – такой, чтоб сто процентов. В любой момент все может пойти прахом, но думать об этом – себе дороже. Надо просто жить. И вообще – Карл справится. Поверь мне.

Шлэйла будто прислушался к чему-то. Потом покачал головой. Упрямо, неверяще.

– «Ты плыла домой?» – наконец спросил он.

– Да. Мы с другом направлялись в Шолох. Мы не воры, Ол'эн. Точнее... – Я замялась.

Вообще-то именно ворами мы и были, но я все никак не могла привыкнуть к тому, что такое плохое слово может иметь отношение ко мне. Ко мне! Я ведь положительный персонаж. Разве это не очевидно?

«Неважно. – Ол'эн устало прикрыл глаза. – Ты должна быть со своим народом, как я – со своим. Мы утешим их в конце, если Авена, сиятельная богиня, краса мира и т. д. и т. п., не справится со Зверем».

– Авена и Карл, ты хотел сказать?

В ответ на мой упрек Шлэйла невозмутимо подчеркнул слова «и т. д. и т. п.».

Потом подошел и неожиданно вложил мне в руку значок Ловчей. Пока я радовалась вещице, рыбьеголовый двумя пальцами взялся за подол моей серебристой рубахи и что-то шепнул. Ткань затрепетала, сначала слабо, потом сильнее. Через несколько секунд она билась в конвульсиях, как выброшенная на берег плотвичка. Я почувствовала, что меня больше ничего

не держит. Снова свобода! Классическое женское нытье про власть, которую над нами имеют шмотки, теперь обросло для меня новым значением.

«Я покажу выход. Только тихо. Нас не должны увидеть, иначе мне конец», – наспех нако-рябал Ол'эн Шлэйла.

– Мелисандр должен пойти с нами.

«Он тоже знаком с богами?» – Рыбий хозяин глянул на меня с подозрением.

Я замешкалась. Мне ужасно захотелось соврать: дескать, да, знаком, вытаскивай его скорее, религиозный ты фанатик! Но пока я решалась на эту ложь во спасение, моя эмоциональная физиономия, судя по всему, успела отразить сомнение.

«Тогда он вместо тебя останется на роли ночного рассказчика».

– Ну уж нет! – запротестовала я. – Мы уйдем вместе. Не оставлю я друга в вашем сбрендившем государстве!

«Но это справедливо. Он преступник, он должен расплати...» – Я не дала Шлэйле дописать, сердито выхватив перо из его рук.

Потом заглянула ему в глаза своим Убеждающим и Подкупающим Взглядом. (Обычно после него мне отказываются сделать даже стандартную скидку в кофейнях, но надо же тренироваться, коли жаждешь мастерства.)

– Ол'эн! Раз ты боишься, что мир падет, разве не стоит пустить к семье и Мелисандра тоже? Будь милосерден. Ведь Рамбла милосердна. Пожалуйста, помоги и ему тоже. Поможешь?

Метис заволновался, испуганно замотал головой.

Его руки были удивительно теплыми для холоднокровного существа. А глаза – такими грустными, что мне вдруг захотелось плакать. Я заметила, что несколько крупных чешуек на правом веке Ол'эна смялись, сам глаз потускнел. Рыбий аналог бельма? Не удержавшись, я мысленно позвала на помощь унни и коснулась века. Как ни странно, на сей раз теньевые блики с готовностью заплескались и сила потекла сквозь меня.

Шлэйла ахнул. Пощупал свежую чешую, обалдело моргнул почерневшим глазом и вдруг поклонился. Так как перо все еще было у меня, он не смог ничего написать.

Зато рыбы, столбом вьющиеся подле него, вдруг, как в цирке, засуетились, перестроились и сложились в одно слово: «Помогу».

* * *

Ол'эн, рыбы и я долго блуждали по тихим тропам Рамблы.

Меня завораживал этот подводный мир. Плавно, все вокруг было так плавно...

Улицы пустовали. Только стайки неоновых медуз мерцали и переливались под стеклянным куполом квартала. По обочинам колыхались заросли актиний, а над головой у нас волшебным образом рассеивались столбы света, тщетно пытавшиеся пробить толщу воды.

Никто, кроме спящих скатов, не охранял клетку с Мелисандром. Увидев меня, Кес хотел было издать радостный вопль, но указательный палец возле губ стал ему предостережением.

Клетку с пленником поместили во внутреннем дворике подводного дворца. Ростры затонувших кораблей стояли здесь на постаментах, как скульптуры, и их гордые лица, казалось, искажены ужасом, а не былым триумфом первооткрывателей. Мелкий песочек пестрел ракушками, а скамьи для гуляющих затянула тина.

Мелисандр не скучал: прямо перед его клеткой высились информационные стенды с вариантами прогулочных маршрутов по Рамбле, которые он с удовольствием изучал. В обычное время в подводное царство легко пускали туристов. Даже мы с Кадией и Дахху подумывали провести здесь неделю-другую в августе: играть в подводный тринап, лежать на Пляжах У Бездны, ходить в пузырьковые бани подводных гейзеров...

Однако сейчас Рамбла пустовала и казалась до крайности недружелюбной. Все подводное королевство болезненно замерло и закрылось от страха, будто устрица – так объяснил мне Шлэйла.

– Это Ол`эн, – я представила лодочника Мелисандру. – Он поможет нам сбежать. Пожалуйста, следуй его указаниям.

– Будет сделано. Ол`эн, приветствую! – воссиял Мелиандр, когда Шлэйла, поклонившись, начал отпирать замок. – А что у нас в программе побега? Взорвем пару тюрем напоследок? Сорвем поцелуй с уст королевы?

Шлэйла глянул на меня с ужасом, мол, что за друг у тебя такой? Нас ждут неприятности?

– Нет, Мел, мы просто *тихонько уйдем*. – Я перебила мечтания саусберийца.

– Ну-ну. Значит, нормального плана нет?

– Так это и есть нормальный!

– Ну-ну, – еще раз повторил Кес до крайности неодобрительно.

Теперь мы втроем двинули прочь. Сначала шел Ол`эн, потом его рыбы, потом, осторожничая, по стеночке кралась я. Мелиандр замыкал шествие, сообщив, что лучше он будет всю дорогу любоваться моей задницей, чем я его. Периодически он восторгался окрестностями и выпавшими на нашу долю приключениями, а также радостно вещал о том, что успел прочитать о Рамбле на стендах.

В конце концов я перестала слушать. Мы шли уже очень долго, когда я поняла, что за спиной стало подозрительно тихо.

– Ол`эн! Мелиандр пропал! – окликнула я нашего провожатого.

Снова упакованный в свой треугольный капюшон, Шлэйла обернулся и горестно охнул. Рыбы Шлэйлы вытянулись длинной стрелой и устремились в темный арочный проем сзади.

«Зря я решил вам помочь», – написал Ол`эн, пока мы ждали, и посмотрел на меня с таким укором, что мне захотелось провалиться сквозь дно.

...И ведь не возразишь.

Вдруг Шлэйла замер, прислушиваясь, а потом зажал ладонью рот, испуганно вытаращил глаза и широко, страшно замахал руками, разворачиваясь и показывая, чтобы я бежала за ним.

Раздался звук далекого рога. Вода подхватила его, отбросила на стеклянный купол дворцового квартала, усилила и исказила. От вибрирующих незнакомых нот по спине побежали мурашки.

Прахова, прахова Рамбла.

Спотыкаясь, я неслась за Шлэйлой, который показывал какие-то рекордные скорости бега под водой. Темный плащ лодочника развевался за ним, напоминая чернила осьминога, и удаляющейся тревожной кляксой не давал мне сбиться с пути. Вода мутнела. Не выдержав и обернувшись, я увидела, что из-за поворота появился табун эх-ушкье. Это из-за него воду заволокло так, что ни одна маска не спасет твои легкие.

Вот это попали!

Суслик, кобылка Кадии, всего лишь на четверть морская лошадь – и то вселяет такой страх, что ночью мимо пройти поостережешься. А уж настоящие эх-ушкье – истинная беда. Они предоставляют жертве широкий спектр возможностей: быть разорванным острыми зубами, затоптанным стальными копытами, удушенным из-за филигранно высчитанной хватки премоляров... Сказки гласят, что эх-ушкье могут одним метким ударом выбить человеческое сердце – это четвертая опция, для гурманов. Но будь я проклята, если меня радует подобное разнообразие.

От табуна отделился, выдвигаясь на корпус, один конь. Он был еще чернее, чем собратья, еще крупнее. Я споткнулась, заглядевшись, и упала на колени. И без того небольшая фора исчезла.

«Что ж, – с горькой усмешкой подумала я, – видимо, меня ждет смертельное меню номер два...»

Умирать – так с честью.

Не помню, кто и когда вбил в меня этот простой завет. Было ли то в школе, когда мы всем классом анализировали рыцарские кодексы на уроках хорошего тона? Или еще раньше, в глубоком детстве? Неужели что-то такое лейтмотивом звучало в маминых колыбельных, которые она, позевывая после суматошного дня при дворе, нежным голосом пела мне перед сном? Может, мы говорили об этом с Кадией и Дахху на предзакатных пикниках у Камня Мановений? Или Полынь – не говорил, нет, – но думал о чем-то таком, вступаясь за меня перед Ходящими, и думал так громко, так отчаянно, что я подслушала ненароком?

Не поднимаясь – на это не оставалось времени, – я развернулась, чтобы достойно встретить смерть от табуна эх-ушкье.

Водяные кони были огромными. До меня им оставался прыжок или два, и они полностью заслоняли далекий свет размытого акварелью солнца.

Кто-то сидел на вырвавшемся вперед вожаке. Когда я малодушно зажмурилась, ибо копыта были прямо надо мной, этот кто-то силком схватил меня за шкуру и закинул на эх-ушкье.

– Классная лошадка, да?! – возопил Мелисандр, оборачиваясь.

Бултыхаясь на галопирующем коне лицом в седло, вцепившись в упряжь что есть сил, чтобы не слететь обратно, я не могла ему ответить. А хотелось.

Наконец мне удалось обрести если не равновесие, то хотя бы стабильность.

– Остановись! Я хочу сесть! – заорала я. Кожаное седло, к которому я все еще прижималась, сильно глушило эти панические вопли.

– Не слышу-у-у-у! – беззаботно отозвался Мел, подхлестывая эх-ушкье. И вновь затрубил в устрашающе длинный изогнутый рог, который успел где-то раздобыть. Там же, где и коня, видимо...

Еще немного доморощенной акробатики, и я, едва не визжа от ужаса, все-таки умудрилась принять сидячее положение.

Мы так и неслись во главе табуна, стремительно удаляясь от центра Рамблы. Аккуратные домики блесен становились ниже, потом – реже, потом и вовсе перестали попадаться.

– Где Ол'эн?! – рывкнула я на ухо Мелисандру, сидящему передо мной. Сжав саусберийца руками что есть силы, я чувствовала, как быстро и, казалось, ликующе бьется сердце патологоанатома в этой скачке.

– Не знаю! Кого это заботит!

– Это меня заботит! Возвращаемся за ним!

– Чокнулась?!

Мелисандр с силой дернул поводья на себя. Я подумала, что он хочет остановить красногоглазого вожак эх-ушкье и, спешившись, высказать мне свое фи. Наверное, Мел так и планировал – судя по удивленному возгласу, вырвавшемуся из его груди.

Но эх-ушкье на то и водяные лошадки, а не донные. Вместо того чтобы затормозить, наш конь продолжил скакать. Но уже не вперед, а вверх, каким-то волшебным образом отталкиваясь копытами от пустоты.

– А-А-А-А-А!!! – хором заорали мы.

И вскоре вынырнули на поверхность. Море вокруг белело гребешками, сияло под утренним солнцем. Мелисандр сразу же сорвал с лица липкую кислородную маску, что означало одно: вновь нырнуть мы не сможем.

– Прах... – пробормотала я.

Табун эх-ушкье торжествующе заржал, приветствуя день, и, лавируя меж волн, продолжил свою бешеную скачку.

* * *

Вдали появился материковый берег.

Поняв, что дело сделано, мы с Мелисандром неловко свалились со спины эх-ушкье – другого способа спешиться в море придумать не удалось.

Остальные кони уже умчались кто куда, но наш продолжал слушаться Мелисандра и, пусть неохотно, скакал вперед. Теперь, обретя свободу, водяной конь развернулся и мощными прыжками рванул обратно в синее ионийское море.

Мы выбрались на пляж и долго лежали, отплеываясь от соли и водорослей. Всяческая флора во рту оказалась побочным эффектом аттракциона «покатушки с эх-ушкье». Хорошо, хоть не фауна!

– Ну что, еще немного отдохнем, и вперед? Глянем, что там в Шолохе, и – за оставшимися артефактами? – жизнерадостно предложил Кес.

Удивительно, но за то время, что мы были знакомы, он очень похорошел. Мелисандр с самого начала был весьма видным мужчиной, но сейчас он стал почти до неприличия привлекательным – осанка идеальная, кожа под завязку набрала бронзового загара, волосы будто специально уложены. Он сиял, натурально сиял. И вновь этот бешеный блеск в глазах – такой, что даже опасно смотреть на них долго.

С чего бы это?

Я с надеждой уставилась в лужицу в песке, натекшую с моей рубахи. Может, я тоже преобразилась? Но нет: черты лица острее, чем были, глаза холодные, настороженные, под ними – синие тени, в тон радужной оболочке. Я с обидой шлепнула лужу, и та резво смылась в песок.

Мы позагорали еще немного перед тем, как я все-таки решилась объявить о своем новом решении.

– Мелисандр, боюсь, здесь наши пути разойдутся, – вздохнула я.

Он, сосредоточенно вычищавший песок из ботинка, замер.

– С чего бы это?

– Я так больше не могу.

Кес посмотрел на меня как на предательницу:

– Ты шутишь? Или мстишь?

Я прикусила губу. Он с жаром продолжил:

– Мы с тобой отличная команда, Стражди! И арсенал ограбили, и от пиратов спаслись, и в Рамбле шухера навели такого, что они надолго запомнят. Кстати, ты ведь поняла, что я сделал, да? Я на стенде увидел, где конюшня у этой дамочки, владычицы, и сиганул туда, когда мы мимо проходили. Блесны сейчас в таком состоянии, что даже стойла не запирают! Только и было заботы – успеть эх-ушкье на спину запрыгнуть, пока он мне хребет не переломил. Но я специально выбрал королевского: на стенде писали, что он самый нежный, покладистый, чтобы даже эта экзальтированная селедка могла с ним управиться. А вообще скачки на этом табуне называются «дикой охотой», это большой подводный праздник, и...

– Мел...

Он замолчал.

– Это для тебя случившееся – удивительные приключения. Для меня – нет. – Я покачала головой. – Ты радуешься новой игрушке-амулету, а я вижу пожилую женщину на холодном университетском полу. Ты потешаешься над пиратами, которым не удалось нас утопить как следует, а я помню, как стояла тогда на доске и думала: главный закон Вселенной в том, что каждый получит по заслугам. Мы с тобой стали ворами: я знала это, я ждала наказания, и оно поспешило прийти.

– Ну так не ждала бы! – обиделся Кес.

Он запустил руку внутрь ботинка, вытащил оттуда едва пискнувшего рачка и гневно зашвырнул его далеко в море.

Я поджала губы.

– Дальше – Рамбла. Не мне осуждать этих, как ты выразился, селедок, но Ол`эн Шлэйла... Ол`эн согласился помочь нам, хотя считал это неправильным. Мы втянули его в наше спасение – а потом бросили неизвестно где. «Кого это заботит?» – сказал ты. Меня, Мелисандр, меня это заботит! Вдруг его растоптали эх-ушкье? Вдруг его накажут? Я не могу вот так швыряться людьми, подставлять их, использовать! Это неправильно!

– Ах, вот как? – Мел высоко вскинул брови. – А тебе не кажется, моралистка, что как раз это ты сейчас и делаешь – используешь человека? Меня, в частности? Ах, Мел, помоги; ах, Мел, мне на материк надо; ой-ой, не хочу слушать про своих предков, лучше покорми меня, напои меня, лодочку добудь! И вот, стоило нам ступить на берег, как до свидания. Да еще и с таким гонором, что слов не хватает!

– Да потому что ты опять не посвятил меня в свои дурацкие планы! Ты что-то там себе придумываешь на грани самоубийства, а потом ставишь меня перед фактом – тебе и в голову не приходит, что я могу быть против! А я *против*, прах побери! Категорически!

– Ага, вот только всякий раз после у тебя до одури счастливая физиономия! – заорал Мел. – Сдирай уже свою пеплову маску, Тинави! Имей смелость признать, что тебе все это нравится, просто ты боишься, потому что, дескать, это расходится с общепринятой моралью!

– Нравится?! Не путай меня и себя!

– Я-то как раз не боюсь!

– А стоило бы! – рявкнула я. – Очень тонкая грань между авантюристом и жуликом! Если она вообще есть, в чем лично я сомневаюсь! Как ты мог так скатиться, а? Из патологоанатома в уголовники?

Мелисандр замер, подавившись новой репликой. Лицо его помрачнело. Он рывком натянул на ногу ботинок, поднялся и, приставив ладонь ко лбу, начал молча изучать море.

Прах... Кажется, я ударила по больному.

Мне стало стыдно и больно. Какое-то время я сидела на песке, потом тоже встала. Еще шагок поближе. И еще.

– Возможно, ты в чем-то права, – глухо сказал Мелисандр. – Но лишь в чем-то, не вздумай сейчас возгордиться. Амулеты я не оставлю. Вот тресну, но соберу их: почему-то я чувствую, что это важно.

Небо как было безоблачным, так и осталось, а наша буря, кажется, пошла на спад.

– Ты тоже кое в чем прав, – буркнула я. – Иногда мне действительно нравится авантюриничать под настроение. Улыбаюсь, и все тут, не могу стереть улыбку. Однако это будто слегка против разума.

– Тогда отправь разум в отставку и отдайся адреналину, – фыркнул Мел.

– Ты какой-то деструктивный, ты в курсе?

– Отчего же? Я верю, что своя счастливая рожа в зеркале – неплохой ориентир при сложном выборе.

– Да, но это ты не видел мою рожу, когда я сижу на веранде «Воздушной гавани» со своим любимым слоистым кофе. – Я усмехнулась. – Вот там – истинное блаженство! Кажется, я начинаю проникаться твоей старой философией «счастья в мелочах» – помнишь, ты меня к ней склонял на нашей первой встрече?

– О! – Саусбериец разулыбался. – Ну тогда ладно, беги, куда хочешь, Ловчая. Моей последовательнице – моей *первой* последовательнице, прах побери, – можно все. Даже обижать меня – грустного, одинокого, никому не нужного Мелисандра Кеса...

На «грустного и одинокого» этот загорелый белозубый счастливчик был похоже меньше всего на свете, но я все равно смутилась.

– Спорим, ты будешь скучать по мне? – подмигнул историк.

Видимо, едва натянутые ботинки все-таки не устроили его нежные ноженьки. Он снова расшнуровал обувь и теперь лихо перекинул пару через плечо, как иные бродяги – тюк с провизией.

– Буду, – признала я.

– Обнимемся на прощанье?

– В другой раз, мне и так мокро. – Я фыркнула. Он разочарованно цокнул языком. – Что ж, собери эти дурацкие артефакты, Кес. Возможно, овчинка и впрямь стоит выделки.

– Когда судьба сведет нас в следующий раз, ты узнаешь меня по имени... – мечтательно протянул он.

– Что, опять Кадий Мчун?

– Нет. Теперь – Тинав Стражди.

– О боги...

Мы рассмеялись. Потом это двухметровое чудовище все-таки заключило меня в объятия и, взъерошив волосы, пинком отправило в сторону Смахового леса.

За спиной у меня долго еще слышалось мелодичное посвистывание Мелисандра Кеса, саусберийца, псевдоисторика, ужасного планировщика преступлений и смелого наездника красноглазых эх-ушкье...

Часть II

Бокки- под-курганом

Господа добровольцы!

Стоит мне сказать: «Как все здорово складывается!» – и тотчас неприятности сыплются одна за другой. Судьба равняет благополучие со скукой.

Дайен из Дома Пляшущих, придворный церемониймейстер

Шолох. Наконец-то!

Путь от побережья к столице занял немало времени. По дороге я вертела головой как сумасшедшая: не могла налюбоваться.

Я шла широким лесным трактом, и солнце било мне в спину, прошивая насквозь. Против его желтых, как цыплячья шейка, лучей летели пух и пчелы; пчелы и пух... Ровное жужжание набухающего лета, белая легкость неторопливых тополей.

Цветущие пролески встречали меня урчанием лягушек, заросли орешника – клетотом расторгуй-птицы. Я поглаживала мшистые дубы и подмигивала своему оголтелому отражению в лужах, оставшихся после ночного дождя. Лес дышал, как парник, утопая в одуряющем запахе свежей листвы.

«Небо голубое, – подумала я. – Небо голубое, это ведь и вправду *мое место*».

На душе было так легко, что, когда под вечер мне встретила одинокая избушка травницы, я смело свернула к ней. Улыбчивая старушка действительно оказалась знахаркой, а не сумасшедшим лесным убийцей, мятежной Ходящей или оборотнем. Даже удивительно! Травница сочувственно выслушала историю про кораблекрушение, приютила меня и накормила. В волнении я спрашивала про столичные новости... Но старушку не интересовал мир вне ее огорода. Святая простота.

Зато она подарила мне старую драную куртку: в подводной ночнушке было холодно, пусть и лето за окном. Я приняла подарок со слезами на глазах – от куртки жутко воняло луком. Это холщовое недоразумение мы сняли с пугала: и пугало, скажу я вам, сопротивлялось со всей мощностью остаточной бытовой магии.

Другой причиной для слез были воспоминания о летяге: мой любимый плащ остался в Рамбле. Наверное, глупо оплакивать одежду. Скажешь кому – застыдят. И все же сердце щемило: столько лет мы провели вместе! Утешало лишь то, что летяга как следует нагулялась, прежде чем кануть на дне морском.

Зато перламутровый балахон из Рамблы ожил. Как оказалось, заклинание Ол`эна Шлэйлы не расколдовало рубаху, а лишь временно ее усыпило. Когда шелковые чешуйки зашевелились, я запаниковала.

Что, опять удушение, акт второй?!

Но вне родных пенатов ночнушка была далеко не такой дерзкой. Она только тихо колыхалась и переливалась под солнцем, поводя чешуйками туда и сюда. То-то же! Я рада, что кто-то научил ее незамысловатому правилу: в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

* * *

Следующий день был в разгаре, когда я наткнулась на столичную дорогу.

Как водится, она возникла будто из ниоткуда. Раз – и передо мной указатель: «Аллея Радужных Осколков. Добро пожаловать в Шолох!» И галечная тропинка убегает вперед.

Вскоре появились заборы, увитые лимонником и глицинией. На обочинах затрепыхались бабочки. Уютные перебранки шолоховцев послышались из распахнутых – по случаю хорошей погоды – окон.

Я с наслаждением вдохнула пряный воздух любимого города. Эстет различил бы в нем нотки древесины (приличные такие нотки), намек на речные водоросли, сладковатые ароматы сирени и грибное послевкусие. Пессимист наверняка учуял бы коровьи лепешки. Романтик – феромоны, беспощадно атакующие студентов.

Я же чувствовала преимущественно запах жасмина, хотя, подозреваю, тому виной не Шолох, а Карлова магия, бурлящая в моей крови.

И еще немного отдавало мокрой землей и червяками. Но это, думаю, нервное: исподволь я боялась, что на меня снова бросятся Ходящие, а потому кралась по улицам на мысочках, отчаянно стараясь сойти за придорожный куст.

Однако, когда за очередным поворотом мне открылся уютный ресторанчик «Поцелуй фортуны», я отринула страхи.

У ресторанчика была веранда подле водяной мельницы. Широкое мельничное колесо крутилось медленно и величаво; в поднимаемой им пене поблескивала радуга. Цветные рыбешки плескались в реке. Деревянная табличка у входа гласила: «Драконы никогда не пробовали наш кофе – теперь они вообще не могут проснуться. Не проходи зазря; не допускай ошибки!»

– Люди, да вы просто идеальны! – Я восторженно выдохнула и рванула туда.

У меня опять не было денег. Но в Шолохе это уже не казалось проблемой: выручат студенческие трюки.

– День добрый! – Я плюхнулась в плетеное кресло у водяного колеса. Так, чтоб брызги долетали – весело же.

Официантка дала мне меню.

– Так-так, – сказала я. – А у вас на норшвайнском языке меню нет?

– Нет. – Веснушчатая девушка покачала головой.

– А на шэрхенлинге?

– Тоже нет.

– А на гномьем?

– Нет... – Работница «Поцелуя» стыдливо опустила взгляд и затеребила кружевной подол платья.

– Супер! – Я возликовала. – Давайте я вам сделаю все три перевода – а вы мне кофе бесплатно нальете. Пойдет такой план?

Девушка удивилась и пообещала узнать.

Две минуты спустя на моем шатающемся столике обнаружились кофейник, молочник, глиняная чашка и бумага с писчим пером. Я честно выполнила обещанную работу. Особенно забавно было переводить состав бесплатного «завтрака по-тернасски»: *«Хлопок по спине, две таблетки от головной боли, стакан колодезной воды»*. О да, при степных разгульных привычках – самое то!

Владельцам кофейни мои труды, видимо, понравились, потому что бонусом к кофе мне выдали свежий номер газеты «Вострушка».

На титульном листе, как и раньше, значилось: «Печатается под редакцией Анте Давьера». Ну да, ну да. Давьер, он же маньяк, он же Теннет, в тюрьме – а бизнес идет. Что ж. Всем бы нам такую деловую хватку.

Я, лениво развалившись в кресле, начала читать содержание.

«Его Величество Сайнор и Совет: борьба разгорается».

«Казначейство в поиске золотых жил: расходы Шолоха растут не по дням».

«Новое лицо Чрезвычайного департамента: леди в гномьих рядах».

Я листала газету в поисках последней статьи, как вдруг в глаза мне бросилось два объявления.

Челюсть моя бесславно упала на грудь...

С первого объявления на меня смотрела я сама. Физиономия у портрета была так себе, злобная какая-то. Но в общем и целом – узнаваемо.

«РАЗЫСКИВАЕТСЯ», – бесстыдно вопила крупногабаритная надпись. Под ней шло перечисление особых примет: ухо порвано, рост средний, телосложение худощавое, волосы рыже-каштановые, на руке татуировка Ловчей, носит лассо и биты, крайне опасна.

Я вскочила с кресла. Натянула капюшон подаренной куртки, старательно затолкала волосы за ворот. Нервно помахала веснушчатой официантке и почти бегом рванула прочь от «Поцелуй фортуны».

Газету я не выпускала из рук.

Ведь на той же странице было еще одно объявление, не менее примечательное. Оно гласило:

«Господа добровольцы! Вас очень ждут!

Ты умен, силен, ловок и хитер? Ты хочешь разбогатеть и готов послужить своему королю? Прими участие в экспедиции под дворцовый курган! Спаси принца Лиссая, стань национальным героем и получи сто тысяч золотых в придачу!»

Под надписью лыбились два нарисованных молодца – маг и воин. Они стояли спинами друг к другу, как на театральной афише, и показывали большие пальцы.

На ходу я прочитала неуклюжий текст еще разок.

Что?!

Хорошо, с тем, что я в розыске, еще можно смириться – значит, Карл пустил это дело на самотек. Неприятно, но предсказуемо.

Но Лиссай под курганом?.. Невозможно!

Вдруг кто-то окликнул меня.

– Эй, мамзель, огонька не найдется? – поинтересовался блеющий голосок. Я вздрогнула и буркнула, что не курю.

– Да ладно, скидку на перевозчика сделаю! Подсоби сатиру, ну, мамзель!

Прежде чем обернуться к настырному гражданину, я постаралась максимально изменить свою внешность. В данных обстоятельствах это значит, что я выпятила губы, как речная ундина, по-гномьи свела брови к переносице и надула щеки, будто тролль.

Сатир только тихо ойкнул от открывшегося ему зрелища.

– Не курю, сказала! – басовито рявкнула я, еще больше расшатывая психику собеседника.

– Добро, добро! – Сатир замахал волосатыми руками и, тряся хвостом, уцокал к постолому двору на соседней полянке.

Я проводила мужичка задумчивым взглядом.

Вообще, в Шолохе мало сатиров, промышляющих перевозками. Я посмотрела на вывеску. «Подкова наших душ». Хм. Помнится, мой приятель Патрициус работал во дворе с очень похожим названием, и там тоже был сатир-администратор. Если это единая сеть заведений, то зря я спровадила козлоногого.

Я снова обратилась к унни... После нескольких безуспешных попыток мне все же удалось достучаться до энергии бытия. Она благосклонно подарила мне оранжевый огонек на кончиках пальцев.

– Эй, сатир! – крикнула я. Снова басом. – Возвращайся, дружище.

Козлоногий товарищ с опаской приблизился. Когда его вонючая самокрутка задымилась, он добродушно усмехнулся в бороду:

– Скидку хочется, да?

– Не скидку, нет. Знакомого своей семьи найти хочу, кентавра Патрициуса. У коллег твоих работает.

– А, да! В большом городе седьмая вода на киселе всегда гуще кажется, – подмигнул сатир.

Видимо, он решил, что я прибыла из какой-то дыры покорять столицу... Что ж, с моим нарядом и дурацкой актерской игрой – немудрено.

В итоге сатир мне помог. С кем-то переговорил, куда-то отправил ташени, пообещал, что Патрициус скоро прискачет. Пока мы ждали, я забавляла администратора вымышленными историями о своем житье-бытье в деревне. А еще в качестве оплаты забивала его новые самокрутки, впрок.

Какая же гадость, а.

* * *

Прискакавший Патрициус был весел и подтянут.

Кентавр, как обычно, щеголял цветочным венком на шее и отрицал существование рубашек. Голый торс перевозчика блестел от масла, и я порадовалась, что с прошлого года кентавры обязаны выдавать клиентам поводья: руки бы точно соскальзывали. Не говоря уж об общей неловкости.

Не успел сатир свести «деревенщину» со столичным перевозчиком, как я вскочила в седло и шепнула Патрициусу своим нормальным голосом:

– Отвези меня к Мчашимся, друг! По дороге все расскажу.

Он игогокнул от неожиданности.

– Мадам, это вы-ы-ы? – повысив голос до дисканта, обернулся кентавр.

Я шикнула, глазами указав на любопытного администратора. Патрициус покачал головой и с места сорвался в галоп.

– Удачи, доченька! – Добродушный сатир пыхнул нам вслед едким оранжевым дымом.

* * *

Мы быстро убедились, что приватная беседа на скаку – выбор людей с очень громкими голосами: глашатаев при королевском дворе, например. А вот простым смертным ужасно мешают ветер, дующий в уши, клацающие на кочках зубы и прочие прелести скоростной езды.

Махнув рукой, Патрициус решительно выключил перевозчий счетчик и сошел с дороги в прохладные заросли раkitника.

– Что ж с вами приключилось, мадам? – запричитал он, когда я спешила. – Говорят, вы храм разрушили да из тюрьмы сбежали? А потом куда делись?

– Ох, Патрициус, тут непростая история... – Я осторожно пощупала щеки, жутко болезненные после моих конспиративных гримас.

То недолгое время, что я проработала в Иноземном ведомстве, мы с кентавром общались каждый день. Он возил меня всюду и с удовольствием слушал о моих рабочих приключениях. Я, в свою очередь, была доверенным лицом Патрициуса, главным консультантом по тайнам женской психологии, и даже успела мельком познакомиться с его семьей – красавицей-женой и шестью жеребятами. Все шесть были девочками.

– Бедная вы моя мадам! А я знал – вы не по злему умыслу! – охнул кентавр, выслушав отредактированный пересказ моих приключений.

Про богов я не заикнулась. Про Мелисандра Кеса – тоже. Зная Патрициуса, могу предположить, что кентавр тотчас бы организовал в Шолохе клуб почитателей саусберийца: по меркам

перевозчика, именно таким и должен быть настоящий мужчина – наглым, смелым и романтично непоследовательным в своих поступках.

– Король верит в мою вину, к сожалению. – Я вздохнула. – Но ты мне лучше скажи две вещи. Первая: как там Полынь?

Патрициус, поколебавшись, пожал плечами:

– Я не знаю, мадам. Он в тюрьме.

– Почему?! – Я натурально взвыла.

Что-то многовато плохих новостей разом!

– Ну, – Патрициус задумчиво пожевал губами, – он ведь тоже храм разрушал? Как и вы?

Ага, значит, слухи про бывшую «теневую» работу куратора в город не просочились...

Я нахмурилась:

– Но ведь Полыни должны были дать Генеральство?

– Ему и дали! – Кентавр махнул золотистым хвостом. – Говорят, у господина Полыни теперь очень красивая статуя в ведомстве, амулеты – как настоящие, искусно из мрамора вырезаны... А волосы в ветреный день и вовсе шевелятся, как у медузы...

– А желание? Почему он не использовал генеральское право одного желания, чтобы получить амнистию?

– Я не знаю, мадам, честное слово, не знаю! – Патрициус аж руками лба коснулся, типа, боги мне свидетели.

Я прикусила губу. Прах пойми, что тут происходит.

Потом я достала из кармана свернутую трубочкой газету и открыла ее на странице с «господами добровольцами».

– Вопрос второй. Что это за чушь с экспедицией под курган?

– А это вовсе не чушь, мадам! Принц Лиссай пропал после землетрясения. Искали уж его, искали – да не нашли.

И Патрициус, комфортно улегшись возле обросшего мхом бревна, уверенно продолжил:

– После того как весь дворцовый остров многожды прочесали, стало ясно, что принц провалился в глубокую трещину. Экую глубокую, что сквозь нее ухнул прямо в некрополь. Трещин таких на острове теперь с десятков – страх берет за душу, мадам, как подумаешь, что за хмыри оттуда могут поваляться! Не-не, это я не о ваших предках, к срединникам я со всем почтением, – кентавр поспешил поправиться, наблюдая за сложной гаммой эмоций на моем лице.

– Все хорошо, Патрициус. Продолжай.

– Сайнор новостям про трещину не обрадовался. Могу понять! Если б мою жеребеночку неделю искали как сбежавшую, а потом выяснили, что она под каменным завалом, – да я бы их всех растоптал вот этими самыми копытами!

– А как они выяснили?

– Ну дык методом исключения.

Я приободрилась. Ведь при нашем космическом «дано» это отнюдь не самое эффективное решение! Куда вероятнее, что принца все-таки вышвырнуло где-то далеко от Шолоха, и он сейчас старательно ищет дорогу домой, направленный в нужную сторону богиней Авенной. Просто никто об этом не знает. Пока что.

Я кивнула:

– А дальше что?

– А дальше Сайнор отправил под курган поисковый отряд из магов, но через сутки никто не вернулся. Люди смеялись, что отряд подземными щелями драпанул из столицы, лишь бы более с королевским гневом не встречаться. Но после шуточки затухли: Его Величество отправил в некрополь Ходящих, и те тоже растворились, будто тени в полдень. Вернулся лишь один

– весь перемазанный кровью, полумертвый, маску потерял, как и кончик носа... Чтобы такое с Ходящим сотворить, мадам, – это ж кем надо быть?

«Например, Зверем», – подумала я, но эта версия означала бы, что плохо все – абсолютно все – и я не хотела давать ей шанса.

Так что я громко захрустела морковкой, пытаюсь ее хрупаньем заглушить нестройный хор тараканов-невротиков в моей голове. За морковку спасибо Патрициусу. Добросердечный кентавр, когда мы сделали привал, разглядел меня получше, всплеснул руками, заявил, что я похожа на бледную немочь, и стал активно набивать меня витаминами – в его седельных сумках обнаружилась куча съедобных припасов, преимущественно овощного характера.

Когда шумовые эффекты морковки одержали верх над паникой, я все-таки спросила:

– И кем же надо быть?

– Упырем!

Кентавр с таким значением произнес название этой бытовой, в сущности, нежити, что я лишь тупо переспросила:

– Упырем? Обычным? Кладбищенским?

– Кладбищенским – да, но вот только не обычным! У вас ведь в некрополе что? Кости древних магов, ваш усилитель ворожбы, какого на весь Шолох хватает. Вот и на упырей хватило, которые там жили. Теперь это не чащобная нежить, мадам, а твари столь сильные, что даже Ходящих, как щепки, ломают. Шестерых теневиков за неделю укукошили...

Я ошарашенно умолкла.

Шестерых? Их же всего была дюжина! Не то чтобы я фанатка Теневого департамента, наоборот, помещайте меня в самый конец очереди за автографами, но... Новость все равно отвратная.

– Эти упыри-мутанты вылезли наружу?

– Не дай-то небо, мадам! – Патрициус аж выронил из рук ромашковый веночек, который все это время мирно плел. – Наоборот, Ходящие к ним спускались. Трое, потом еще трое. Король совсем рассвирепел от таких неудач, требовал остальных одним махом в трещину спустить – но тут Совет взбунтовался, запретил ему.

Я тихонько выдохнула.

Как хорошо, что Сайнор не может принимать никаких решений в одиночку!

Обезумевший с горя король способен наворотить таких дел, что полстраны поляжет. Но у нас его всегда может остановить единогласным решением Совет – собрание руководителей всех девяти ведомств, людей опытных, умных и очень, очень разных. Если уж тонконогая кокетка из Ратуши протестует бок о бок с гротескным военным министром, то идея короля и впрямь плохая.

– Скандалище был изрядный. – Патрициус сопровождал речь бурной жестикуляцией, как при игре в пантомимы. – Совет потребовал, чтобы на следующей неделе все трещины в кургане запломбировали от греха подальше. А у главной двери уже выставили охрану и никого даже близко не подпускают. Сайнору ничего не оставалось, кроме как объявить щедрое вознаграждение для добровольцев, если они успеют найти принца в некрополе до пломбировки. Теперь каждый житель Шолоха знает имя и внешность принца Лиссая. Кончилась его анонимность, мадам.

Мы с кентавром усталились на газету, которую я бросила на землю и прижала камешком. Маг и воин на нем могли похвастаться поистине идиотскими улыбками. Иллюстратор явно испытывал глубочайшие сомнения по поводу того, к чему призывал.

– И много нашлось добровольцев?

Патрициус закончил плести веночек, затянул какой-то хитрый узелок, чтобы ромашки не рассыпались, и с пиететом творца возложил его мне на голову.

Потом серьезно сдвинул рыжеватые брови и отрицательно покачал головой:

– Нет, мадам. Люди видели того Ходящего, выжившего. Никакие деньжища того не стоят. Даже Башня магов решила не вмешиваться.

Я с беспокойством почувствовала, как из сердцевин ромашек выбираются муравьи.

Вероятно, Патрициус испугал их, когда внезапно сорвал цветы. Это как если бы ты зашел в кабак по соседству, и его вдруг унесло невиданным доселе смерчем. Умные насекомые притихли на время плетения венка – решили переждать бурю. Теперь, оказавшись у меня на голове в относительном покое, они осмелели, повывлезали, поползли оценивать ущерб и исследовать новые территории. Судя по энтузиазму, с каким они закопошились, новая реальность превзошла их самые смелые ожидания. Великое переселение муравьишек... И я в роли кисельных берегов.

У меня руки чесались с визгом отбросить венок в сторону, но я не хотела обидеть Патрициуса. Время на чужбине в компании Кеса и своего очумелого одиночества сделали меня до странности сентиментальной. Я решила стерпеть муравьев. Напоминала себе, какая я стала взрослая, сильная, крутая, умудренная, прах его побери, опытом. Негоже такой детине бояться лесных рыжиков.

Из-за этой моей внутренней борьбы к особняку Мчащихся мы ехали молча.

Когда я прощалась с кентавром у глухого кирпичного забора поместья, он ойкнул:

– Мадам, да у вас вся голова в муравьях!

– Правда? А я и не заметила... – героически стиснула зубы я. Играть – так до конца.

Но тут из-за высокой калитки донесся знакомый голос, словавший мне все представление:

– Ага, щас, не заметила она! Признайся – ты просто выяснила, что укусы муравьев улучшают цвет лица.

Тяжелый кованный засов скрипнул и послушно уполз вбок под длинными пальцами Кадии из Дома Мчащихся.

– Слава богам, с тобой все хорошо. – Я облегченно выдохнула, когда подруга появилась в проеме.

– Это должна быть моя реплика, эй! – возопила Кад и заключила меня в такие крепкие объятия, что в шее что-то оглушительно хрустнуло.

Я с негодованием отстранилась, отплевываясь от ее вездесущих волос. Поняв, что все это взаправду, что я действительно добралась до дома, я жива, и моя лучшая подруга тут, вышляется надо мной, как березка, я от облегчения рассмеялась, да так заливисто, что залаяли соседские псы, а подводная ночнушка испуганно прильнула к ногам.

Смех перерос в легкую истерику: я поперхнулась и начала кашлять. Это показалось мне невероятно смешным, и я попробовала хлопнуть саму себя по спине, но вместо этого прихлопнула муравья, исподтишка выползшего из-за ворота... Я резко отдернула руку – и у меня вдруг свело ушибленное в Арсенале плечо. Я расхохоталась еще громче, некстати вспомнив белые портки Мелисандра, я подвывала и похрюкивала под обескураженным взглядом Патрициуса... Кентавр привык к более сдержанной версии «мадам».

Отсмеявшись и кое-как наладив отношения со всеми частями своего организма, я с удивлением поняла, что боевая, огненная Кадия тихо плачет, прижавшись лбом к калитке.

Одного раза в год

В любви всегда есть что-то надрывное, какая-то боль, неосуществленное желание... То ли дело дружба. Берегите друзей, они – ваш свет в темнейшую ночь.

Флаурда Северин, хозяйка сорока кошек

В итоге Кад устроила мне такой прием, что к ночи я уже и вовсе не верила в реальность предшествующих дней.

Наверняка вам знакомо это чувство: ты возвращаешься из путешествия, и его сразу же будто ластиком стирает, быстро, безжалостно, как это и принято у вселенной. С легким чпоком натюрморт повседневности втягивает тебя обратно, и кажется, что ничего не было. А если и было – то с кем-то другим. С твоим зловещим зеркальным двойником, с неясным образом из сновидений, который ты себе придумал каким-нибудь ужасно скучным будним вечером.

Увидев прозрачные блестящие слезы на глазах Кадии, я испугалась так, как не пугалась даже перед лицом звериных приспешников.

Кад? Плачет?

Невозможно!

Да еще чтоб так тихо, беспомощно... Я совсем растерялась.

Кадия всегда играла роль бравой девчонки (лучше: «деффчонки»), с самых малых лет. Сколько шишек ни кидали в нас соседские мальчишки, сколько оплеух ни лепил тренер по тринапу с говорящим именем мастер Пнивколоно, сколько юнцов, краснеющих уродливыми пятнами, ни признавались, что у них, дескать, нет к Мчашейся никаких чувств, – Кадия никогда, никогда не плакала. Ее открытое красивое лицо упорно не отворачивалось от препятствий, и поэтому у Кадии было больше врагов и врагинь, чем человек нормальный вообще может себе представить. Никто не любит смельчаков.

В глубине души я знала, что она – не тот картонный персонаж, каким хочет казаться. Что иногда ей хочется заговорить нормальным тоном, без всех этих разухабистых «хей», «эгегей» и «дорогуша». Что иногда она сомневается, хорошая ли это для нее затея – работать стражем? Носить по двадцать кило железа (если не больше) и решать все проблемы острием меча?

Я помнила, как у Кадии перехватило дыхание, когда в темной пещере Дахху она призналась нам в любви к Анте Давьеру. А потом сразу же отреклась от своих слов, попытавшись обратить все в шутку.

Сколько же на свете вещей, о которых мы не говорим! Не говорим даже с самыми близкими.

Мы оставляем их в темной зоне, не желая выводить под театральный софит, ведь они совсем не подходят нашим пьесам.

И на галерке верят. Верят.

А те, кто ближе, из уважения молчат. Ведь друзья всегда все знают. Не тешьте себя надеждой, что ваши тайны скрыты картонной декорацией на первом плане. Видно все. Но из любви мы отрицаем правду.

И тем страшнее было видеть Кадию без маски.

– Так, дома кто-то есть? – Я подхватила ее под руку и потащила на участок.

– Конечно. Полон дом гостей, все как обычно. – Она фальшиво хохотнула.

– Мне лучше ни с кем не пересекаться, ты ведь понимаешь?

Подруга неожиданно взъерилась:

– Тинави, то, что я плачу, не значит, что я совсем мозги растеряла!

Мы спустились с покрытой гравием дорожки в яблонево́й сад. Деревья не шелохнулись. Ветви с припозднившимися белыми цветами, приятно отяжелевшие, покорно гнулись к земле. Жужжание комаров успокаивало: кажется, фруктовые сады – это то редкое место, где оно лишь добавляет прелести. Кадия шла быстро, спину держала прямо, на меня не оглядывалась. Я семенила вслед, мысленно проклиная подводную ночнушку, которая оплетала ноги и не давала делать нормальные, широкие шаги.

Мы проскользнули в поместье через черный ход.

Я знала особняк Мчащихся как свои пять пальцев. Мы с Кадией дружили со школы, и я частенько оставалась у нее ночевать: в детстве, в отрочестве и в том периоде, что мне нравилось называть «затянувшейся юностью». Кадью тоже прельщало последнее определение, слегка расхोлившееся со словарем. Но в чем кайф быть человеком образованным, если не можешь противопоставить свое веское мнение словарной статье?

Я до сих пор, несмотря на возраст, воспринимаю себя как маленькую девочку, которая, хоть и наращивает знания о мире, все равно никогда не повзрослеет. Мысль о том, что где-то есть «настоящие взрослые», отличные от меня, является основой моей жизненной философии. С каждым годом я все больше убеждаюсь в том, что это не иллюзия: и в школах могут учиться дряхлые старики, а в домах престарелых – цвести легкость и любовь. Твое тело – это просто брома, материя, забота спящих на севере драконов.

А твоя искра... Твою искру, насколько мне известно, не колышет время.

– Так, – сказала я, когда Кад пропустила меня в свою летнюю спальню, удачно расположенную на задворках поместья. – Ты сейчас умываешься, мажешься всеми своими любимыми кремами – для настроения, – и по дороге из ванной цепляешь на спальню табличку «не беспокоить», чтобы к нам не ворвалась ваша горничная, Бруни Грэм...

– Бруни Даби Грэм, – поправила меня Кадия, которая раньше не отличалась щепетильностью в отношении гномьих имен.

– Бруни Даби Грэм, да. Еще мне нужна нормальная одежда, одолжишь? И... – Я вдруг поняла, что комок в горле не дает мне продолжить.

А ведь нужно задать следующий вопрос. Вопрос, который сверлом ввинчивался мне в самое сердце с тех пор, как Кадия заплакала на улице.

Но я до пепла боялась.

Подруга, увидев мои побелевшие губы, все поняла. Она лишь коротко кивнула:

– Если ты волнуешься за Дахху – то он жив.

Я перевела дыхание...

Кадия стянула сапоги, зашвырнула их в угол и с размаху плюхнулась в кресло:

– Но никак не придет в себя после нападения маньяка. Почти три недели без сознания. Врачи, что называется, безмолвствуют.

В ее голосе неожиданно прорезались обвинительные нотки.

– Кад... – пробормотала я.

– Да, так меня зовут. Кад. А лучше Кадия. Что, Тинави? Что ты смотришь на меня таким жалобным взглядом? Ты где пропадала вообще? Ты хоть представляешь, что здесь творилось? Ты видела последние новости? Тебя разыскивают, крошка. Этот неженка, Лиссай, застрял под праховым курганом, и король из-за этого скормил нежити кучу госслужащих. Налоги повысили, потому что дворцовый комплекс теперь надо ремонтировать. Я сдала своего парня властям и перешла работать в Чрезвычайный департамент. Теперь вокруг одни лишь гномы. Ежедневное количество трупов увеличилось, а зарплата почему-то осталась прежней. Жизнь идет, все меняется. Но тебя, где тебя носило, а, Тинави? Когда ты так нужна?

Лицо Кадии горело праведным гневом. Я не успела приноровиться к новому эмоциональному спектру Мчащейся и только растерянно хлопала глазами. Некоторые из нас успокаиваются, столкнувшись с испытаниями. Другие – вспыхивают ярким пламенем.

Кадия стала заранее собирать вещи на работу.

Она вытащила из шкафа доспех – не тот, что у нее был раньше, а новый, темный, с амарантовыми пластинами на груди и шипастыми наплечниками. Она достала чугунный утюжок и, нагрев его над камином, прогладила нижние рубашки, усилив эффект простеньким заклинанием. Она долго выбирала склянку из всего многообразия парфюмов, разбросанных по туалетному столику, и наконец сухо спросила меня, можно ли погасить свет.

У меня в голове был такой водоворот из вопросов, что я пропустила мимо ушей тот, что задали мне извне.

– Я погашу свет? – повторила Кадия громче. Жестче. Четче.

В ее голосе появилась незнакомая хрипотца. Будто что-то тонкое надломилось в гортани, и осколки скребут, просясь наружу.

– Кадия, прости меня.

– За что?

– За то, что я исчезла. Ты осталась здесь совсем одна, без объяснений, без правил игры, и... И я догадываюсь, как тяжело это было. Пожалуйста, прости.

Я молча села рядом, положив руку ей на плечо. Мне было до дрожи плохо оттого, что я не знала, как исправить случившееся. И как утешить Кадью. Ну почему нельзя напрямую забрать чужую боль? Чужие беды?

Слишком просто, да, мироздание?

– Ты даже не представляешь... – тихо пробормотала Кад.

Мне хотелось сказать ей, что, к сожалению, представляю. Тут можно поспорить, что сильнее бьет по психике: преступные и коматозные друзья или битва богов в параллельном мире?

Впрочем, у нас тут был не конкурс Чья История Жалобнее.

И вообще, если кто-то начал грустить – изволь дослушать. Нет ничего мерзопакостнее, чем обесценивать страдания других. Если кому-то больно до той степени, что он об этом заговорил, – умерь активность. Не лезь со своими «а я», «а у меня», «да ладно тебе» – и так далее.

Просто не лезь.

Имей хоть капельку сострадания.

– Я с тобой, малышка, ну. – В темноте я нашарила голову Кадии и начала тихонько гладить всхлипывающую подругу ото лба к затылку, «по шерсти».

Она плакала, пока в окнах не забрезжил ранний июньский рассвет. В перерывах между всхлипами Кадия рассказала мне о том, как жила в мое отсутствие.

История Кадии из Дома Мчащихся

Вечером после поимки маньяка Кадия вернулась в свой кабинет в Военном ведомстве.

Мысли ее шумели, как липы в сентябре.

Возлюбленный оказался серийным убийцей. Дахху, его последняя жертва, лежал в Лазарете без сознания: знахари выпроводили Кадью вон, пообещав сообщать об изменениях. Тинави и вовсе пропала, не говоря ни слова... Мальчик Карл, «найденный», тоже куда-то делся.

Кадия не заметила, как, истерзанная волнениями, задремала за рабочим столом. Но вскоре ее грубо разбудили тычком в плечо.

Мчащаяся резко выпрямилась. Хлипкое ведомственное кресло закричало. Ох уж эти завхозы... Вечно экономят на мебели.

Кад негодуяще посмотрела на нарушителя спокойствия. Таковым оказался гном в полном боевом облачении: доспех празднично блестел, туго обтягивая выдающееся гномье брюшко, а бороду украшали традиционные подвески в виде топориков.

– Что вы делаете в моем кабинете? – прошипела стражница, потирая плечо.

– Кто тебе сказал, что это все еще твой кабинет?! Спишь на рабочем месте!!! – взревел гном в ответ.

Кадия уже почти прожгла незнакомца своим фирменным взглядом, как вдруг боковым зрением заметила на груди у гнома значок с изображением треснувшего колокола. Символ Чрезвычайного департамента! У нее тотчас поубавилось спеси. Кадия сглотнула.

Гном продолжил, по-военному чеканя слог:

– Кадия из Дома Мчащихся, поднимай свою задницу и двигай за мной.

– Есть, сэр! Но зачем, сэр?

– На допрос. – Гном свел кустистые брови.

Стражница внутренне содрогнулась, но, зная правила, не стала уточнять. Лишь прихватила в углу кабинета амуницию, сваленную неряшливой кучей, и под строгим взглядом гнома начала пристегивать ножны и португую.

Пару минут спустя она под конвоем, под улюлюканье и свист коллег, шла в допросную. Гном, представившийся командором Груби Драби Финном, неодобрительно косился на ликующих стражей.

– Вас всегда так задирают? – поинтересовался он.

– Да, сэр.

Командор Финн хмыкнул, на ходу просматривая личное дело Кадии. Папка пестрела сертификатами о повышении квалификации и личными благодарностями.

В допросной, к вящему изумлению Кад, выяснилось, что ее позвали, так как правоохранные органы искали Тинави из Дома Страждущих и Польшу из Дома Внеземных, новоявленных государственных изменников.

– Это бред! Вы несете какую-то дичь! – доказывала Кадия двум следователям-чрезвычайникам. Они в ответ только бесконечно черкали в блокнотах – таких же крохотных и толстых, как и сами гномы...

Город по самую маковку увяз в предрассветном киселе, когда семейный адвокат Мчащихся вызволил Кадью из допросной комнаты.

Для маньяка Анте Давьера, как и для Ловчих, уже все было кончено. Всех троих уперли в темницы – подальше от глаз людских.

* * *

– Я рыдала всю ночь. Я даже не подозревала, что во мне может быть столько жидкости. Будто с детства копила – и вот, прорвало твою хренову дамбу... Это полный абзац, Дахху, говорю тебе...

Дахху не отвечал.

Он уже давненько не отвечал никому и ни на что. Кома – дело серьезное.

Больничная палата постепенно погружалась в темноту, и Кадия отстраненно наблюдала за тем, как растворяются по углам, теперь невидимые, шкафы с лекарствами и ядами.

Это был реанимационный блок Лазарета – старинный зал со сводчатым потолком, величавыми портретами великих целителей прошлого и двадцатью койками в два ряда. Все, кроме одной, были пусты. Сквозь высокие арочные окна в зал проникали последние отблески солнца. Через открытую форточку доносился далекий колокольный звон.

Кадия придвинула стул вплотную к кровати и теперь сидела на нем с ногами, как на жердочке. Она зажала между согнутыми коленями полупустую бутылку вина. Горлышко подпирало ей подбородок. Не то чтобы это было удобно, но Кадии нравились экстравагантные позы. Даже если никто не видит.

Дежурная медсестра в белом чепчике прошла сквозь зал, не кивая, не поворачивая головы. По уговору, после каждого посещения Мчащаяся оставляла на стуле приятно звеня-

щий мешочек с золотом. За это ей позволялось сидеть в Лазарете сколько вздумается. С сапогами на стуле, с вином в голове, как угодно.

Начиная с того дня Кадия приходила сюда каждый вечер. Первые разы это было похоже на прием психолога. Она снова и снова пересказывала бессознательному Дахху события третьего июня, и чудесным образом под утро ей становилось легче. Ровно настолько, чтобы выдержать еще один день на работе.

Суровый гном Груби Драби Финн, руководитель Чрезвычайного департамента, представил Кадью к повышению за поимку маньяка. Она давно об этом мечтала, так что это было хорошо – в теории. В реальности – не очень. Мчашаяся предпочла бы отпуск всем этим новым обязанностям.

Хотя... Как бы она его провела? Учитывая, что тот день, как серпом, выкосил всех ее близких людей?

Кадия встряхнула головой, белокурые локоны рассыпались по плечам. Нельзя так говорить. Они ведь все живы. Просто не с ней.

Она почесала нос и продолжила свой рванный монолог, обращаясь к Дахху:

– В общем, когда я стреляла в Анте на дворцовом острове, я... Я где-то в глубине души надеялась, что все это – одно большое недоразумение. Что Анте ни в чем не виноват. Что это с моего ракурса кажется, будто он занес над тобой и Тинави меч. А на самом деле, скажем, показывал вам искусную резьбу на лезвии... И... Ох, мать твою...

Кадия с досадой глотнула прямо из бутылки и, наклонившись к неподвижному Дахху, шепнула ему, будто по секрету:

– Уже доказано, что он убийца, но я... Я все равно чувствую себя предателем, Дахху. Предателем самого низкого пошиба. Я знаю, что сделала правильный выбор – и все же... Ты бы понял. Ты бы точно понял, если бы был здесь.

Неожиданный всхлип вырвался из горла Кад, она испуганно дернулась и продолжила уже шепотом:

– Дахху... Пожалуйста, вернись к нам, я тебя очень прошу... Чтоб тебя пеплом присыпало, да я тебя первый раз в жизни о чем-то прошу, Дахху! Ну пожалуйста...

Но на лице Смеющегося ничего не менялось. Носатая физиономия умника Дахху, обращенная к потолку, казалась восковой маской. На веках чуть проглядывали сосуды, губы были тонкими и серыми, а кудряшки медсестры заботливо уложили по кругу, будто у какого-то дурацкого степного ангела.

Кадия, повинуясь внезапному порыву, дотронулась пальцами до шрамов, густо покрывавших шею Дахху. Старые отметины, оставленные волкодлаком, и новые – авторства убийцы – были на виду, и Кадия решила, что другу это не понравилось бы.

Она залезла в прикроватную тумбочку, чтобы там, среди личных вещей, отыскать привычные шарф и шапку Дахху. Их не было. Зато Кадия наткнулась на толстую стопку бумаг, перевязанную бечевой. Витиеватые буквы на верхнем листе гласили: «Доронах. Энциклопедия». Нижний угол был густо перемазан засохшей кровью.

Кадия опустила на холодный мраморный пол Лазарета и закрыла лицо руками.

* * *

– Все будет хорошо, – твердо сказала я, дослушав рассказ Мчашейся. – Я клянусь тебе. Слышишь?

Кад кивнула и прикусила губу. Потом, прищурившись, посмотрела на жемчужно-розовую полосу света, исподволь прокраившуюся к нам из-за неплотно прикрытых штор.

На соседней улице пронзительно, неприятно заорали петухи.

– Вот и утро. – Я вздохнула.

– А с тобой-то что случилось? – спохватилась Кадия. Да с таким искренним испугом, будто у нас всего-то и было на разговоры, что эта ночь – одна-единственная ночь, за которую мы не успели все, что надо было.

– Давай об этом потом. Ты как, больше не размякнешь? – Я сдернула с лица подруги одеяло, которое та натянула, и критически осмотрела ее мешки под глазами.

– Не, одного раза в месяц вполне достаточно. – Она кривовато улыбнулась, бодро сбросила голые ступни на мраморный пол и двинулась в сторону ванной.

– Ишь чего! Одного раз в год – не чаще! – Я строго погрозила пальцем и кинула ей вслед подушку.

Кадия засмеялась. Все еще немного натянуто, но хоть что-то.

– Давай сейчас заглянем к Дахху? – вдруг предложила она. – У меня есть немного времени перед работой.

– Я только «за». Но придется меня загримировать... – Я бросила взгляд в сторону газеты, лежавшей на книжной полке.

– В этом всецело положись на меня, – пообещала Кад и так зверски ухмыльнулась, что мне поплохело.

Если окажется, что наше недопонимание исчерпано не до конца – мне хана. Она мне такое выщиплет и нарисует, что ни в жизнь не исправлю.

Ох, не ссорьтесь, люди, с лучшими подругами...

Неловко вышло

По-настоящему сильное желание легко стирает понятие невозможного. Все дело в приоритетах, знаете ли.

Бертранца из Дома Таящихся, глава кафедры Предельных Наук

По дороге в Лазарет я не уставала благодарить судьбу за то, что на объявлении о моем розыске отсутствовала цена.

Шолоховцы – далеко не такой жадный и предприимчивый народ, как, скажем, тернасцы. У тех способность к зарабатыванию денег считается главным признаком успешного человека. И на этом же строится вся правоохранительная система: за любого, даже самого хилого преступника назначается награда, и это резко сокращает его шансы уклониться от ответственности. Свидетелям приплачивают за количество информации об инцидентах, присяжным – за участие в суде, понятым – за количество просмотренных обысков и так далее.

В общем, деньги – первая мотивация.

У нас же народ и власть разнесены по сторонам и, что греха таить, часто глядят друг на друга волком. Кого и зачем ищут детективы Смотрящие – дело одних только Смотрящих.

В этом плане я могла дышать спокойно: прохожие не держали газету нараспашку и не спешили всматриваться в чужие лица на предмет совпадения.

Зато одиозные «Господа добровольцы!» вызывали у горожан бешеный ажиотаж. Как я вскоре убедилась, король Сайнор не ограничился покупкой газетной площади... Он приказал развесить объявления по всему Шолоху.

Маг и воин лыбились с каждого забора. Их взгляды были столь блеклыми и невыразительными, что я не представляю, кто в здравом уме захотел бы им уподобиться. Хотя сто тысяч золотых – это, конечно, много... Очень много. Очень-очень.

Поэтому шолоховцы собирались у листовок, будто на балаган: с лимонадом, орешками и раскладными стульями, чтобы засесть, как на набережной, и добрых три часа чесать языками.

Мы с Кадией неспешной рысью ехали на Суслике. Подруга обернулась и увидела, с каким интересом я слежу за «плакатными сплетниками». Лицо Кадии помрачнело.

– Тинави, – сказала она неестественно ровным голосом. – Если окажется, что Лиссай уже мертв... Учитывая судьбу тех Ходящих... Скажи, мне придется запереть тебя в чулане, чтобы ты не сделала что-то плохое?

Я вздрогнула. Потом перевела на подругу изумленный взгляд:

– Что? Небо голубое, нет, конечно. Скорее всего, Лиссай не под курганом. И вполне себе жив. И скоро вернется домой. Я же вернулась.

Кадия недоуменно нахмурилась:

– Что-то мне не вполне ясна твоя логика.

И я не могла ее за это осудить. Ведь Кадия не была в курсе всех наших «божественных» драм: не ведала ни о битве в Святылище, ни о Звере, ни о Карле, ни о Теннете... С учетом последнего пункта я понятия не имела, как лучше рассказать ей все это, и потому трусливо оттягивала момент признания. Даже зная, что потом будет хуже. Что огребу по полной от своей пылкой подруги. Знала – и все равно придумывала оправдания для суетливого «потом, потом».

Сколь несовершенен ты, человек!

Но раз уж тема поднята, то...

Я вздохнула:

– Есть кое-что, что я должна тебе рассказать.

Кадия потянула поводья Суслика на себя. Мы как раз въехали под сумрачную арку Моста Очарования, на чьих известняковых стенах все желающие рисуют лица незнакомцев: тех, кото-

рыми однажды залюбовались, но к которым побоялись подойти. Колорита этим почти иконографическим изображениям придает то, что пару лет назад туннель стало затопливать: вдоль стен заструилась зеленоватая вода. Благодаря усилиям Башни магов портреты не стираются – их закрепили специальными чарами.

Суслик затормозила и недовольно всхрипнула. Вскрип этот водопадом прошумел по серебряным ликам несбывшихся шолоховских любовей.

Кадия сощурилась:

– Только не говори, что это ты заставила Его Высочество пропасть.

– Ну разве что очень косвенно... – уклончиво ответила я. – Если я сильно напрягусь и буду тарабанить со скоростью лепреконьего зазывалы, то уложу весь сказ минут в двадцать.

– Тогда жги, – милостиво разрешила Кад. – Прямо сейчас.

– Может, в Лазарете все-таки?

– Ну уж нет, – воспротивилась стражница. – К Дахху мы всякую дрянь не потащим – а твоя виноватая рожа ясно говорит о том, что меня ждет та еще история.

Я кивнула.

– Тогда давай присядем.

Не мудрствуя лукаво, Кадия сползла с лошади и плюхнулась прямо в туннеле на роскошную траву обочины (еще бы, столько воды в канавках вдоль стен). Я последовала ее примеру.

Под Мостом Очарования немногие ездят – моей исповеди никто не помешал.

Но, когда я закончила, лица незнакомцев на стенах – клянусь – приобрели растерянное выражение. Кажется, они слушали нас чуть внимательнее, чем обычно ждешь от портретов.

Кадия пожевала губами. Потом дернула плечом:

– Мне надо все это переварить. Поехали.

– Поехали, – согласилась я и едва слышно перевела дыхание.

Если честно, я боялась, что новость про Анте-Теннета заставит ее развалить этот грешный туннель на тысячу отдельных камешков.

Это было бы грустно: больно красивое место. Вернее, красивое до боли: той сладкой и зыбкой боли, что всегда отличает настоящее искусство.

* * *

Начался район Пятиречья, впереди замаячила роща ошши. Кадия спешила, потрепала Суслика по морде и привязала кобылку к коренастому дубу на тройной булинь. Булинь – это самый крепкий узел в мире, чтобы вы понимали, – так что Кадия предостереглась.

Ибо идти с Сусликом сквозь владения крустов – себе дороже. Лешие начнут приставать, Суслик их мигом сожрет, аппетитно похрустывая, как сухариками, а нам потом выкатят штраф на кругленькую сумму. Или если у крустов хороший защитник в департаменте Шептунов, то и вовсе к исправительным работам приставят.

Я тоже прыгнула и с опаской пощупала свой нос.

– Не трогай! – взвыла Кад.

Мой временный конспиративный нос был предметом ее гордости. И моей паники. Кадия вылепила мне его с помощью какой-то хитрой прозрачной жижи, которая хранилась у нее в дальнем углу комода в стеклянной банке с надписью «Хэллоуин». Видимо, это была гримировальная масса для осеннего маскарада.

Свежеприобретенный орган дыхания получился воистину монументальным. Даже Дахху, известный носатик, не мог похвастаться таким агрегатом. Нос выступал далеко вперед за пределы лица, а под конец задорно загибался вверх, как у потомственной феи из Зубастых равнин. Я беспокоилась, что во время ходьбы он будет слегка подсакивать. Обошлось, но, куда бы я ни смотрела, нос всегда попадал в поле моего зрения. Ужас!

Зато, снабдив меня носом, Кадия сочла работу по преобразению законченной. Только еще на голову нацепила мне огромную широкополую шляпу, украшенную цветами, муляжами фруктов и листьями папоротника. Тоже, видимо, маскарадную. Тяжелую, с нарушенной балансировкой – приходилось передвигаться осторожно, как канатаходец.

– Если кто-то сможет разглядеть за ЭТИМ еще хоть что-то на твоём лице – расцелую как лидера по наблюдательности, – пообещала подруга, приложив руку к сердцу.

Я отнюдь не была в восторге от таких комплиментов. Но приходилось терпеть. «Безопасность превыше всего».

* * *

Дежурная медсестра подвела нас к палате Дахху. Дверь с надписью «Тишина!» располагалась в конце коридора на втором этаже южного флигеля, то есть максимально далеко от центральных операционных. Это был старый, плохо отремонтированный блок Лазарета, и его белый цвет уже выцвел, серея на фоне молодых коллег.

– Почему вы поместили его сюда? Он же тяжело болен! Ему надо быть под круглосуточным присмотром! – ругалась я, бросая на медсестру целую серию негодующих взглядов.

Носяра, кажется, породил во мне непривычную жажду скандалов.

– Это я попросила. – Кадия протянула сестре звякнувший суконный мешочек. Та ничего не ответила, кивнула и ушла. Белая тога слегка шелестела, отмечая ее путь по коридору.

– Но зачем?

– Мне так спокойнее.

Мы зашли внутрь, и мои вопросы разрешились.

Кадия превратила палату в то, что ей никогда не разрешили бы устроить в центральном корпусе – ни за какие деньги. Я явственно представила себе голос главного врача: «Это лазарет, а не зоопарк, девочка! А ну, выметайтесь отсюда, и больного своего забирайте, пусть помрет без лечения!»

На меховой подстилке возле кровати Дахху лежал белый волк. Снежок – питомец Смеющегося, который вообще-то должен был вырасти северной овчаркой, но разводчик при продаже слукавил. Завидев нас, Снежок подскочил, совсем по-собачьи твякнул, завертелся юлой и забил хвостом об пол так быстро, что любой барабанщик позавидовал бы.

В подвесной клетке в углу палаты сидел на жердочке Марах. Никакой заметной радости филин не проявил. Только нахохлился еще сильнее, приобретя форму идеального шара. Потом мой питомец нехорошо сощурился и мрачно открыл клюв:

– Уху.

– И тебе уху, – вежливо ответила я.

Филин раздраженно закрыл глаза и, мелко перебирая лапками, развернулся на сто семьдесят градусов, явив нам с Кадией все великолепие своей покатой спинки.

– Обиделся, – шепотом пояснила мне подруга.

– Да я уж поняла.

Счет тех, кого я расстроила своим исчезновением, рос очень быстро. Боюсь, я так и вовсе не смогу расплатиться.

Я подошла к кровати. Дахху не шевелился. Я грустно улыбнулась:

– Это ты на него шапку с шарфом нацепила?

– Ага, – согласилась Кад. – Мне так...

– ...Спокойнее. Понимаю.

Мчась селась в кресло-качалку глубокого вишневого цвета. Под ним были беспорядочно раскиданы газеты и журналы, преимущественно воскресные, развлекательного характера. Между ними высилась пирамида берестяных стаканчиков из лавки госпожи Пионии.

На тумбочке лежала стопка бумаг, освобожденная от бечевы, валявшейся тут же. «Доронах», – успела прочитать я до того, как Кадия быстро накрыла стопку пледом.

Стоило Кадии поудобнее устроиться в кресле, как на нее с размаху запрыгнул Снежок. Волк слегка потоптался по подруге – она не возмущалась – и свернулся у нее на коленях калачиком. Ну как калачиком... Только голова Мчащейся сверху и торчала.

Я нагнулась к Дахху. Мне показалось, что он не дышит. Я прижалась ухом к груди друга, но биение сердца было столь слабым, столь далеким, что скорее забирало надежду, нежели дарило ее. Я поспешно проглотила комок в горле.

– Ты читала «Доронах»? – спросила я Кадю.

– Да.

– Весь?

– Все, что есть.

– И как тебе?

– Смутно. Какие-то обрывки, много вопросительных знаков на полях. Но, – Кад потупила взгляд, – но ведь это *он* написал, Тинави.

– То есть тебе понравилось.

– А сама-то как думаешь? – Кад беззлобно огрызнулась.

Я присела на край больничной кровати боком, чтобы Кадия не видела мое лицо.

... Уни. Привет. Возможно, я нехило злоупотребляю, но, если так, ты заведи что-нибудь у меня – что хочешь, вообще что угодно, хоть душу, хоть жизнь сотри – только сейчас, пожалуйста, любой ценой, давай сделаем это, ладно?

Мой внутренний монолог был очень долгим. И слишком искренним – сюда его не пропустит моя цензура. Закончив призыв, я ущипнула Дахху за кончик носа: не только чтобы направить предполагаемое колдовство, но чтобы сбавить накал прозвучавшей молитвы.

Дурацкий это рефлекс, конечно. И дурацкая я.

Ненавижу тот факт, что я стесняюсь даже думать о том, что по-настоящему важно, предпочитаю прятать все личное за пустой болтовней и бытом, ворчанием, тишиной. Упрямо выбираю образ приземленного параноика, настолько не хочу показаться слишком искренней, увлеченной или ранимой. Да и кому показаться-то? Вечности? Близким? Если следовать логике, я сомневаюсь, что они одобряют такую подмену.

– Дурацкий рефлекс, говорю же.

– Что ты там делаешь? – подозрительно спросила Кадия из кресла.

– Я... – начала было я, но запнулась.

Потому что Дахху оживал.

То ли сработало мое колдовство, то ли знахари ни разу не пробовали дернуть Смеющегося за нос, – а друг, как бы далеко от тела ни витала его искра, не мог такого простить.

Нет, конечно, он не сел на кровати, не заговорил и даже не открыл глаза. Но вдругступило дыхание. Сердце забилось чаще. Лицо перестало отливаться пугающим болотным цветом. Я сосредоточенно пыталась сохранить спокойствие и не расплакаться от благодарности, когда вихрь в лице Кадии отбросил меня от койки. Прямо в кресло, которое закачалось так сильно, что я чуть не перекувырнулась через спинку.

– У-ху-ху! – мстительно захихикал Марах.

Я метко швырнула в птицу клочок бумаги, застрявший в обивке кресла. Бумага была свернута неплотно, текст на ней складывался в стихотворные строки. Я отвела глаза.

Стихи под авторством Кадии... Тоже ведь волшебство.

* * *

В итоге мы просидели в Лазарете весь день.

Кадия отправила в Чрезвычайный департамент ярко-лиловую ташени.

– Скажу, что заболела, – подмигнула мне она.

В ответ прилетело аж пять голубей. Один за другим, подряд. Если у первого голубя на ноге была лишь маленькая записка, то последний притащил добрый такой свиток в колбе.

– Все нормально? – заинтересовалась я.

– Ну... Командор Груби Драби Финн считает, что молодым специалистам не пристало простужаться. – Кадия покраснела.

Зная, что гномы – весьма несдержанный в выражениях народ, я содрогнулась. Это ж в каких словах руководитель Чрезвычайного департамента высказал свое фи, что подруга так запунцовела?

Ответ прилетел со следующей птицей. Это уже не был голубь. Это была редкая разновидность ташени – дороже классической, а потому менее популярная. Такие ташени – крупные, с глубоким зобом, отличались тем, что передавали сообщения вслух.

– КАДИЯ ИЗ ДОМА МЧАЩИХСЯ! – заорала волшебная птичка низким гномьим голосом. – ХОРНАЯ ТЫ Ж ЛЕНИВИЦА, ГРЕК ТЕБЯ ПОДЕРИ! БЫСТРО НА РАБОТУ, БЕЛОКУШНАЯ ТЫ ЛОДЫРИЩА! А ТО БУДЕШЬ ПОСУДУ В СТОЛОВОЙ ТРИ ДНЯ МЫТЬ! ТРИ НОЧИ! ПОСЛЕ РАБОТЫ! И ТОЛЬКО ГРЕКНИ МНЕ!

Я в восхищении покачала головой:

– Ого! Это он так с сотрудниками разговаривает?

– Да. Всегда, – позеленела Кад. – Командор Финн верит, что чем больше гномьих ругательств он изречет, тем серьезнее мы воспримем угрозу.

– Что, уже жалеешь, что перевелась из корпуса стражей? – посочувствовала я. – Как тебя звать-то теперь? Чрезвычайница?

– Не, не жалею. Условия еще хуже – хотя в это сложно поверить, но как-то... Повеселее. Да продолжай стражницей называть, все осталось по-прежнему, просто теперь в случае городского несчастья я в авангарде.

Что ж, в таком случае на месте городских несчастий я бы постаралась стать потише! А то Кадия им устроит. Хотя гномы, кажется, тоже не лыком шиты.

– Ну ты иди на работу, раз он так беснуется. Я сообщу, если что изменится.

– Ага, щазз. – Кад блеснула глазами. – Ничего, это он только угрожает. Посуду мыть не заставит – я при всем желании на ведомственную кухню не влезу, она под гномий рост сделана.

Так наше добровольное дежурство продолжилось.

Знахари приходили каждый час, по двое, что-то замеряли, тихонько колдовали, радовались прекрасным симптомам и вводили Смеющемся лечебные растворы посредством длинных тонких трубок, неприятно напомнивших мне Рамблу.

– Не верится, – вздохнула Кадия. – Не верится, что Карл и Анте – хранители...

– Нужно время, чтобы привыкнуть, – согласилась я. – Дахху, кстати, в курсе. Ему об этом бокки-с-фонарями рассказали. Пока пытались его убить.

– Мда-а-а... – протянула Кад. – Нашел себе братьев по разуму.

Вдруг со стороны кровати раздался глубокий шипящий вдох. Мы так и подпрыгнули. Все четверо: Кад, я, Снежок на подстилке и Марах, который все-таки соизволил меня простить и теперь привычно сидел на плече.

– Дахху! – хором возопили мы, кидаясь друг к другу.

– Книгу, – невнятно произнес Дахху, не открывая глаз. Его правая рука с усилием поднялась.

– Что? Кто?

– Книгу. «Доронах». Дайте.

Нижняя губа Кадии мгновенно надулась, как у маленькой девочки. Я тоже не обрадовалась такому приветствию, но все же исполнила первую волю оживающего... Когда стопка чер-

новых бумаг оказалась на груди у Дахху, он открыл глаза. И сразу же увидел мой выдающийся нос.

– Тинави! Небеса-хранители! Что с тобой? – Друг сипло ахнул.

– Конспирация, – буркнула я. – Ты вообще как?

– Нормально. – Дахху улыбнулся уголком рта и начал увлеченно копать в своих листочках.

Я же с ужасом следила за Кадией.

Глаза ее налились кровью, губы сомкнулись в одну узкую трясущуюся линию. Кажется, Смеющийся никогда не был так близок к смерти, как в этот момент. Я всерьез испугалась, что сейчас мы потеряем его по-настоящему, и приготовилась грудью защищать его от расшившей стражницы.

Но она сдержалась.

– Что ж, Дахху, мы очень рады, что ты очнулся, да еще и такой бодрый, – отчеканила Кадия, сжав кулаки так сильно, что побелели косточки пальцев. – Пойду на работу, а ты приходи в себя. Тинави тебе расскажет, что тут творилось в последние три недели.

Подруга наклонилась, рывком схватила свою брошенную на пол сумку и твердым шагом направилась к выходу из палаты. Снежок попробовал потереться о ее ноги, но Мчащаяся проигнорировала волка. Хорошо хоть не пнула!

Дахху осоловело заморгал:

– Три недели, что?

Дверь за Кад хлопнула, едва не развалившись. Марах ехидно захлопал крыльями. Дахху схватил со столика карандаш и уже что-то черкал в бумагах своим идеально ровным почерком...

Я помедлила, глядя на друга.

Потом, пожав плечами, заварила чая ему и себе. Выждала еще минуту для приличия и лишь тогда, поняв, что «с той стороны» соображалка не включится, деликатно откашлялась:

– Дахху, боюсь, ты не очень-то хорошо повел себя сейчас с Кадией, ведь она так заботи...

Но меня перебила почта: в открытое окно влетела ярко-лиловая ташени, с яростью врезалась мне в грудь, упала и раскрылась в послание – «ДАЖЕ НЕ ВЗДУМАЙ НИЧЕГО ЕМУ ГОВОРИТЬ!!!».

Я сокрушенно покачала головой. Снова-здорово.

Дахху, впрочем, не сильно-то заинтересовался. Он, восторженно приборматывая, заполнял уже третью страницу кряду. Кровавое пятно, коричневой корочкой слепившее стопку бумаг, его совсем не смущало.

– Слушай, – протянула я. – А ты вообще что-то помнишь?

– Помню, – кивнул он, не отрываясь от работы. – Потому и записываю. Обряд «Ночная пляска» был прекрасен. Но неужели я потом так долго лежал без сознания? – Он изумленно покачал головой, не поднимая глаз. – Кошмар.

– Да уж...

– Тинави, мне очень нужна твоя помощь. – Дахху поднял на меня свои умные фисташковые глаза. – Ты можешь пригласить сюда Карла и Анте Давьера?

Я поперхнулась чаем, на радость Мараху.

– Анте Давьера?!

– Пожалуйста, – как ни в чем не бывало попросил Смеющийся, чуть ли не носом водя по страницам будущей энциклопедии.

Я только и могла, что протянуть:

– Э-э-э...

– Просто то, что я узнал от бокки-с-фонарями, касается и Карла, и господина Анте, и будет лучше, если мы сразу проведем общее собрание, – пояснил Дахху и педантично поправил вязаную шапочку.

– Ну, э-э-э...

– Понимаю, что ты спешишь поделиться со мной новостями. – Он вел себя так, будто разговаривал с неразумной пятиклашкой. – И да, я тоже не откажусь обладать информацией о том, что происходило в эти дни, но работа – работа прежде всего. Надеюсь, вы не расстроились, что я сразу заговорил о «Доронахе»? Неловко вышло, да? – Он нахмурился, такой серьезный, интеллигентный и отчужденный, что хоть плачь.

Я потрясла головой. Да так сильно, что фальшивый нос чуть не отвалился.

– Дахху, – смущенно сказала я. – Но ведь Анте Давьер – он же Теннет, я в курсе – чуть не убил тебя! Это он – шолоховский маньяк! Ты из-за него был в отключке, не из-за обряда!

Кажется, впервые в жизни я увидела, как челюсть Дахху из Дома Смеющихся отправляется в вольное путешествие к груди друга.

– Прости, что ты сказала? – переспросил он растерянно.

Я вздохнула и начала очередное повествование.

Мда. Хоть из Рамблы я и сбежала, а вот высокое звание рассказчицы, кажется, последовало за мной.

* * *

Смеркалось.

От Кадии больше не было новостей.

Мы с Дахху продолжали сидеть в Лазарете. Вернее, он – лежать, погребенный под рукописями. А я – играть в парикмахера, устроившись в кресле-качалке. «Клиентом» был Марах, вдруг вообразивший, что он – птица, которая любит ласку. Я уже несколько раз разглядила все его перышки, а филин все кудахтал и кудахтал, требуя дальнейшей улады, и, стоило мне отдернуть руку, лапкой цеплялся за мое запястье. Мол, продолжай! А то не прощу!

Дахху вздохнул и потянулся. Потом ойкнул, схватился за сердце, замер – рановато что-то начал физкультурой заниматься!

Опять вздохнул:

– Признаться, я в смятении.

– Из-за чего именно? – полюбопытствовала я. – Из-за того, что Карл вызвал Зверя? Или из-за того, что хранитель Теннет деградировал?

– Из-за всего и сразу... – кисло протянул Дахху.

Потом он оценивающе посмотрел на меня. Почесал затылок под шапкой. И спросил тоном университетского профессора на экзамене:

– Тинави, как ты думаешь, из чего сделаны фонари бокки?

– Хм. Из стекла, наверное. Деревянной рамы. Ну пара пружинок еще есть... В общем, обычные фонари.

– А внутри?

– Огонь.

– Откуда у потусторонних духов огонь?

– Да прах его знает.

– Ниоткуда. Это не огонь, Тинави.

Дахху приподнялся на локтях. Глаза его сверкали, и я вдруг прониклась ощущением того, что в мою грешную жизнь сейчас припрется, незваная, еще одна тайна...

Смеющийся улыбнулся:

– Это искры. В фонарях бокки носят искры.

– Искры как души? – обалдела я. – Души живых существ?

– Некогда живых. Бокки-с-фонарями – это... наши предки.

– Так-так-так! – Я наострила уши.

– Бокки – это призраки срединников. Тех, что жили здесь и работали в Прибрежном легионе. Это их кости под курганом. А их искры бродят по городу дважды в месяц.

Я так опешила, что перестала чесать филина – и тотчас получила укол острым клювом.

Ссадив недовольного Мараха на подлокотник кресла, я подошла к кровати Дахху и села подле друга:

– Ты хочешь сказать, что после гибели срединников их искры не потухли, а остались тут? И... Хм... Живут в окрестностях кургана уже тысячу лет?

– Именно так. И поэтому они возвращаются в некрополь между полнолуниями и новолуниями – стараются быть поближе к костям. И вся память срединников, все чувства, все надежды – при бокки. И некоторые из них даже были готовы поделиться ими с нами, молодыми дураками, – глаза Дахху наполнились вековой грустью, – но мы всегда прятались от них, запирали двери своих домов. Только изредка бокки-с-фонарями удавалось дотронуться до какого-нибудь шолоховца и, наладив контакт, потом пытаться рассказать ему свою историю с помощью снов. Но упрямые граждане в таких случаях шли в Лазарет и «лечили» странные дремы. Так делали все. Кроме меня. Только я дослушал историю бокки. – Он развел руками.

– Это действительно круто, – искренне сказала я.

– Ох, поверь, это еще далеко не круто... Но мне надо подумать, как быть с остальной информацией. Она местами шокирует. – Друг прикусил губу. – Ты не расстроишься, если я пока придержу ее?

Я прижала руку к сердцу:

– Вообще не расстроюсь! У меня сейчас столько насущных проблем, ты бы знал. И кстати, об этом: ты можешь отправить ташени одной леди в Иноземном ведомстве?

– Легко. И давай заодно решим, что будем делать в понедельник.

– В смысле?

– День цветов, ты забыла? Я бы хотел поучаствовать в фестивале. Предлагаю составить расписание.

Я помотала головой. Небо голубое, праздники же...

– Ладно, Дахху. Расписание так расписание.

Рокочущие ряды

Мы сами решаем, как реагировать на те или иные стимулы. Ничто не может заставить вас расстроиться, или обрадоваться, или разозлиться – это все лишь ваш выбор. Только вы выбираете то, каким видите мир.

Пайветри из Дома Созерцающих, мастер Легких Мыслей

Весь следующий день я изящно балансировала между депрессией и эйфорией.

С одной стороны, мне было горько и странно из-за Полыни. Я не понимала, почему Ловчий до сих пор в тюрьме, и мне самой не удалось ничего узнать об этом. Кое-какая информация должна была появиться вечером, но до тех пор у меня не получалось отвлечься и выдохнуть.

– Ты сказала «Полынь» двадцать раз за последние полчаса. Мне кажется, у меня вот-вот начнется аллергия на это слово, – проворчала Кадия, расставляя лимонад и ягоды на садовом столике.

– Аллергия не так появляется, – рассеянно бросил Дахху из гамака и схлопотал лимонадной соломинкой по макушке.

Да, за мою эйфорию отвечали эти двое. Сам факт их наличия, их шуточек и перебранок, искреннего смеха и не менее честной тоски. Я прямо чувствовала, как окончательно исцеляется моя издерганная в Шэрхенмисте душа, как сердце вновь наполняется светом: я дома.

Кадия, как всегда, в одночасье простила Смеющегося (он, как обычно, не понял, что у них вообще был конфликт), и мы весь день провели втроем в поместье Мчашихся. Из Лазарета Дахху выставили еще с утра пораньше: ох и долгий же это был переезд! На прощанье ему выдали костыли и огромный набор обезболивающих – теперь друг лежал в гамаке, бледный и блаженный, в обнимку, конечно же, с «Доронахом».

А когда на город спустилась ночь, я вновь нацепила свой нос и отправилась на Невероятно Тайную Встречу.

Провожал меня – вернее, подвозил – Патрициус. Я почему-то была уверена, что кентавр – из племени жаворонков, а нет... Оказалось, он донельзя болтлив в любое время суток.

Я тихонько сжегивала зевоту в кулак, пока Патрициус Цокет заходиллся трепом:

– «Ухо и Копыта»... «Ловкость и Перевозки»... «Езжай и Стражди»... О. «Езжай и Стражди»! Как вам, мадам? – Патрициус ухватился за это словосочетание, покатав его на языке так и эдак. – Прекрасное название для нашей команды!

Я не разделяла его восторга:

– Немного упадническое, как считаешь? Куда езжай? Почему стражди?

– Зато как звучит!.. Приехали. Подождать вас?

– Да! Иначе я вряд ли отсюда выберусь.

– Ваша правда, мадам! «Езжай и стражди» друг без друга не могут! А если серьезно: кричите, если кто-нибудь к вам пристанет. Я как раз пару дней назад переподковался, хорошо бить могу, очень звонко.

Я поблагодарила кентавра за заботу и потопала к тускло освещенному рынку, проглядывающему за темным орешником.

Там на набережной Топлого канала прижимались друг к другу десятки торговых палаток. Все – сумрачного травянистого цвета.

Длинные гирлянды из багровых лент опутывали непромокаемые козырьки и столбы-указатели. На них были подвешены банки с болотными огоньками. Огоньки денно и ночью бились в стекло, раздражаясь и разгораясь от этого лишь ярче.

Под натянутыми тентами сидели мастера-татуировщики, беззубые картежники, кальянички с густо подведенными глазами и сумасбродные предсказательницы. На прилавках было разложено оружие и поблескивали артефакты – дешевые, массового производства. Почти безобидные. По-настоящему серьезные товары торгошаи прятали в опутанных цепями сундуках у себя за спинами.

Рокочущие ряды... Наш черный рынок. Работает только по ночам, зато совершенно бесстыже, в открытую. Сайнор давно махнул на него рукой – пусть в Шолохе лучше будет немного контролируемой преступности, чем много бесконтрольной.

Простым горожанам тут делать нечего. Под глухими мантиями покупателей может скрываться кто угодно – кошкоголовый степной ассасин, съехавший с катушек архимаг, эльфийский мастер-отравитель... Толкнешь такого случайно – и до свидания, жизнь, приятно было познакомиться.

Помню, меня занесло сюда в ту неделю, когда я самостоятельно бегала по всему Шолоху, решая дела для Полыни.

Нужно было стребовать неоплаченный налог с равнинного торгошаа эликсирами. Я думала, живой не выберусь, когда лавочник, не обрадовавшийся такой гостье, оскалил на меня три ряда клыков. Да еще и зашипел, выпустив зеленые когти.

Правда, налог он все-таки отдал. После этого я вернулась в наш кабинет, и куратору пришлось стерпеть мое краткое, но эмоциональное выступление на тему «гори оно все синим пламенем, я больше никогда не пойду туда одна». На словесные утешения Полынь скупился (подозреваю, он меня вообще не слушал), но кофе подливал исправно.

И вот месяц спустя я снова в Рокочущих рядах.

И снова одна.

Эх, судьба, сколько ж раз ты готова подсовывать нам одни и те же испытания, пока мы не пройдем их на должном уровне? Изволь принять правило, человеце: развивайся. Или – прочь из игры!

Я поежилась, надвинула шляпу на глаза и медленно пошла по рынку. В руке у меня была схема Рокочущих рядов с жирным чернильным крестиком, перечеркивающим площадку у самой реки. Слегка поблуждав в лабиринте прилавков и поймав на себе пару нездоровых взглядов, я вышла к нужному месту.

На зятянутых водорослями ступенях, спускающихся к самой воде, спиной ко мне сидела девушка. Ее русые волосы были подстрижены под пружинистое каре. Круглые металлические очки с толстой оправой – то ли воздухоплавательные, то ли для ныряния, – служили девушке вместо ободка. Диковинные такие очки! Визитная карточка Андрис Йоукли.

– Привет, – сказала я, присаживаясь на скользкие ступени рядом с Ищейкой.

Она повернулась ко мне и внимательно оглядела меня с головы до ног. Потом какое-то время понаблюдала за тем, что происходит вокруг нас.

Я и сама стала ее разглядывать, не менее тщательно. Даже более тщательно: брови Андрис поползли вверх при виде такой моей прилежности. С ней все было по-прежнему: комбинезон из грубой ткани, рубаха под ним, румяные щечки и татуировка волчьей головы на предплечье.

– Йоу, Тинави! Надо же, а я боялась, что это будет ловушка, а не настоящее приглашение, – подивилась Андрис, закончив осмотр.

Она выпустила клуб вонючего вишневого дыма из курительной трубки и разжала руку. На ладони Ищейки лежал звездчатый металлический амулет.

Андрис запихнула его в нагрудный карман и широко улыбнулась:

– Думала, сейчас придет какой-нибудь хмырь подставной, припечатаю ему на шею Светило Утопленника и буду макать головой в воду в целях самообороны – подготовилась вот. А это действительно ты – невероятно! Где раздобыла такой шикарный нос, признавайся?

Я призналась.

– Отдай потом мне, – попросила Андрис. – В работе пригодится.

Она достала из рюкзака сочное красное яблоко, отерла его рукавом рубашки и предложила мне. Потом вытащила еще одно для себя. Мы энергично захрустели, что никак не вязалось у меня с черным рынком, чье опасное варево бурлило у нас за спинами, изредка выплевывая драки.

Андрис очень любила оружие. Неизбывной радостью для нее было пойти и спустить ползарплаты на какие-нибудь безумные зажигательные смеси, метательные ножи и хитроумные стебельковые пики. Еще она не понаслышке знала, как обращаться с гайками и винтиками: Йоукли могла играючи собрать с нуля походный нож, да не простой, а с какими-нибудь медными шестеренками по боку и выпуклыми линзами разноразмерных луп.

В общем, Рокочущие ряды не только были важны для нее с точки зрения рабочих контактов, но и нравились Йоукли сами по себе. Это она выбрала их для нашего тайного свидания.

– Андрис, почему Польша в тюрьме?

– Потому что нарушил закон.

– А что насчет генеральского желания? Что он попросил, если не свободу?

– Понятия не имею. – Ищейка с размаху метнула огрызок яблока в реку. – К нему не пускают визитеров.

Потом Андрис взяла свою трубку, вытряхнула из нее старый табак и полезла в кيسет за свежей порцией.

– Более того, никто причастный не соглашается даже словечком про Польшу обмолвиться. Я подняла все свои связи, просто все. Всех должников перетрясла, лишь бы хоть что-то узнать. Но им будто языки отрезали. Молчат, и все тут.

Андрис щелкнула пальцами, зажигая трубку. Набрала полный рот вишневого дыма и выдохнула:

– Ситуация нехорошая, Тинави. Король бросает Внемлющего в тюрьму, затем – ни с того ни с сего – признает его Генералом Улова, заказывает статую, и – тишина. Никакой информации про казнь. Ничего про дарственное желание – загадано, не загадано. Мне кажется, его Польшу вообще не дали. Плюс тотальная изоляция. А ведь даже к самым страшным убийцам допускают мастеров Легких Мыслей и близких родственников.

– Но ведь ты не родственник, – осторожно заметила я.

– Я лучше родственника, Тинави.

М-м-м. Вот как.

Ищейка продолжила:

– Я не понимаю, зачем Сайнор устроил этот фарс с генеральством. Боюсь, от короля добра не жди.

«Просто Сайнор не может противиться воле хранителей, а приказ Карла был весьма четким: не убивать, выдать генеральство и желание», – подумала я. Я могла бы успокоить Андрис, в который раз за день заведя героическую волюнку о своих похождениях, но...

Но пока не стала этого делать.

– Как ты сбежала из тюрьмы, Тинави? Ты можешь проверить это еще раз?

– Нет, не получится: там была индивидуальная ситуация.

– Точно-точно?

– Точно, Андрис.

– Жаль... Я на тебя рассчитывала, – прикусила губу лучше-чем-родственница.

– Ты хочешь устроить побег Польшу?

– Да.

Мы немного помолчали. Блестящая в свете молодой луны вода Топлого канала зеркалом лежала перед нами. Отдельные островки кувшинок белыми пятнами разбивали черное безмолвие водной глади. Вдалеке надрывались лягушки, в лещине на противоположном берегу

зарянка упражнялась в музыкальных гаммах, а постаревшие стволы орешника скрипели и завывали на ветру.

– А что говорят в ведомстве? – не удержалась я от вопроса.

– О чем?

– Ну о заключении Полены. И о моем исчезновении.

Прежде чем ответить, Андрис выпустила несколько дымных колец:

– Ты только не обижайся, но... Ни одна сплетня не живет больше недели нигде, кроме как в головах действующих лиц. Про Полень иногда вспоминают, правда. Про тебя – нет.

Я, конечно, обиделась. Но постаралась это подавить, еще больше уязвленная оттого, что меня такое обижает и что Андрис это заметила.

Ищейка поднялась и поманила меня:

– Пойдем, покажу кое-что.

Вслед за Андрис я устремилась в ядовитые пары Рокочущих рядов. Йоукли была здесь одной из немногих, кто не скрывал лицо. Она со знанием дела лавировала между головорезами всех мастей, и ее хорошенькая кругленькая рожица с родинкой под правым глазом вызывала недоумение у матерых контрабандистов.

Ищейка отвернула полог какого-то особенно грязного шатра, и, зайдя за ней внутрь, я поперхнулась от неожиданности: на длинных походных матах сидела целая банда горных троллей.

Внезапно!

Тролли резались в покер, но замерли при нашем появлении. Меня впечатлили их каменные лица с фиолетовым отливом.

– Йоу, ребята, – сказала Андрис.

– Здорово, – ответили тролли.

– Вечер добрый, – вежливо улыбнулась я.

Андрис представила нас. Не берусь повторить прозвучавшие имена, так как мода у троллей странно тяготеет к согласным буквам: сочетания типа «грвкшм» и «дцхчтк» кажутся им приятными и мелодичными. Как Андрис не сломала язык, знакомя меня со своей шайкой, – ума не приложу.

– В общем, это мой крайний выход, – объяснила она, когда мы снова вышли на улицу.

Я нахмурилась:

– Ты что, возьмешь королевскую тюрьму приступом?

– Я тебя умоляю! Нет, конечно. Мы собираемся под курган, найти его высочество. Королевской награды в сто тысяч хватит на то, чтобы с потрохами купить не одну смену тюремной стражи.

– Но, Андрис, я не думаю, что Лиссай...

– Жив? Я тоже не думаю. Но даже тело принца – это лучше, чем ничего, – вздохнула она.

Вообще-то я хотела сказать, что Лиссай вряд ли под курганом, ну да ладно. Может, хорошо, что она меня перебила.

– Тролли – самые твердые ребята во вселенной, – продолжала Андрис, постепенно увлекаясь. – Я подсчитала, какими бы кровососами не были эти тысячелетние упыри, они потратят на одного тролля столько времени, – даже если не будет сражения, просто попробуют от него что-то отгрызть, – что я успею полнекрополя обежать в поисках принца. А у меня троллей много, ты сама видела.

– А тролли знают, что ты их за «мясо» считаешь?

– Тролли ценят любые аферы, от которых хоть немного пахнет деньгами. И очень верят в себя.

– Но эти упыри перебили кучу магов, потом растерзали пятерых Ходящих и почти прикончили шестого.

– В несколько приемов, не забывай. А нас будет три дюжины. Может, упыри вообще наелись уже – никто ведь не удосужился проверить... Тинави, я не верю Сайнору. То, что Ловчего до сих пор не казнили за измену – это чудо какое-то. Король может передумать в любой момент. А я не собираюсь лишаться Польшы окончательно.

Я подцепила ногой камешек и бездумно пнула его, задулив далеко вдоль торгового ряда. Камешек, как назло, попал в щиколотку какому-то негодяю в узких штанах. Негодяй стал медленно и неумолимо разворачиваться в нашу сторону. Это не предвещало ничего хорошего. Я ойкнула. Андрис схватила меня за рукав и утянула в щель между двумя палатками, от греха подальше.

Все это время она не переставала расписывать мне плюсы своего плана. Ее подгонял страх перед возможной казнью Польшы... Я же знала, что времени у нас, в теории, полно (если не брать в расчет крайнюю тоску пребывания в тюрьме): можно придумать план получше.

Да и вообще. У Польшы есть желание! Если бы приспичило выйти – он бы вышел.

– Ну что, ты с нами? – Слова Андрис ударили меня, как обухом по голове.

– С вами?

– Да, ты ведь тоже пойдешь под курган? Если выберешься живой, Сайнор и тебя, в теории, может амнистировать, – улыбнулась она. – Зачем жить подпольно?

Я замешкалась и увидела, как улыбка Йоукли потихонечку-полегонечку сползает вниз, очень медленно, будто давая мне шанс одуматься, исправиться. О нет. Она думает, что я струсила! Прах! Но ведь...

– Экспедиция под курган не имеет смысла, Андрис, – вслух закончила свою мысль я.

Твердо, максимально твердо.

– Тинави, я все просчитала. Это единственный выход. Поверь. – Она развела руками.

– Это вообще не выход. Это скорее бестолковое самоубийство.

Я хотела пояснить свою мысль, но в этот момент Андрис посмотрела на меня с таким неожиданным... презрением, что ли, что я невольно отшатнулась.

– Я не настаиваю на твоём участии, – сухо проговорила Ищейка. – Просто предложила, решив, что так правильно. Ведь это ты бросила его там, Тинави. – Голос ее стал ниже. – Ты бросила его в тюрьме, а сама каким-то образом сбежала – согласишься, некрасиво? Но, оки-доки, об этом забудем. Однако не надо пугать смертью меня, ладно? Я – не ты. – Она сложила руки на груди и вызывающе приподняла брови.

У меня в глазах потемнело от внезапной злости. Стайка теневого бликов с любопытством прыгнула на периферию взгляда, и в сознании мелькнуло ликующее: «Испепелим ее?!»

Я ахнула, заморгала и панически прижала руки ко рту: так, тихо, унни! ТИХО, я сказала!

Андрис, видимо, приняла эту мизансцену за какие-то новые доказательства моего страха.

Ищейка фыркнула, отвернулась и попробовала уйти, но я ухватила ее за рукав рубашки:

– Андрис, погоди! Ну не глупи, пожалуйста! – Злость смешалась с паникой. – Просто поверь мне – тебе некуда торопиться с этим планом, хорошо?

– Не хорошо. – Она отцепила мою руку от локтя. – Мы выдвигаемся в четверг ночью, я уже обо всем договорилась. Если у тебя есть какие-то обоснованные возражения – говори. Я слушаю.

Меня жутко коробил ее тон. Мягко говоря, он не добавлял желания делиться хоть чем-нибудь.

Я неохотно выдавила:

– Это очень долгая история, Андрис... Там полно чужих тайн, поэтому я бы не хотела ее рассказывать.

– Йоу, ну конечно! Или ты просто не хочешь, чтобы это я выгащила Польшу. Но и самой тебе неохота стараться. Помнишь сказ про собаку на сене?

Сиплая злость внутри меня снова всколыхнулась... Я замерла, пытаюсь подавить эту маящую ярость в душе. Прах, мне что, теперь всю жизнь с соблазном разрушения бороться?!

Андрис, не отводя от меня взгляда, искривила губы так сильно, что они уплыли вбок, будто у рисованных персонажей. В эту скособоченную ухмылку Андрис привычно воткнула трубку, пыхнула дымом и вдруг начала меня отчитывать:

– Молчишь, Тинави? Удобная у тебя позиция – обмотаться не своими тайнами, будто поясом смертника. Как бы все по принуждению. Ты такая маленькая, слабенькая, миленькая, с этими огромными глазищами, и жутко хочешь всем помочь, но не можешь – иначе злоумышленник, хозяин пояса, подорвет все к праховой бабушке. Отличный предлог для ничегонеделанья. Это работает раз. Это работает два раза. Но трижды... Не знаю. Ты мне нравишься – боги видят, ты мне нравишься, – но что-то мне уже надоело. Многовато вокруг тебя вопросов, даже если смотреть с отдаления, как это делаю я. Полынь, может, и готов был с тобой нянчиться, он слишком уж падок на прикопанные секретки, но со мной так не пойдет. Выкладывай начистоту – или смиришься с тем, что ведешь себя недостойно.

В ее медово-ореховых глазах был такой вызов, что мне захотелось убежать – чтобы случайно не сделать чего-то, о чем пожалею... Но я лишь глубоко вдохнула, прогоняя блики. Спокойствие, только спокойствие.

Я склонилась к Андрис, девочке-отвертке, и тихо повторила:

– Вам некуда торопиться. Не надо идти под курган. Полынь не казнят. Лучше придумать другой план.

– Придумывай. Расскажешь, когда я вернусь из некрополя.

Башенные часы на Ратуше начали вызванивать полночь. Звук постепенно подхватывали все остальные куранты и колокола столицы. Традиционное ночное шоу, главный объект ненависти всех любителей тишины.

Йоукли воспользовалась долгим перезвоном как предлогом и, попрощавшись, выскользнула из нашего уголка и мгновенно затерялась среди посетителей Рокочущих рядов.

Я застонала и закрыла лицо руками.

* * *

Когда я вернулась в поместье Мчащихся, Кадия еще не спала, судя по горящим окошкам ее спальни.

Всю дорогу до этого Патрициус продолжал радоваться нашему с ним «новорожденному дуэту, прекрасному союзу», совершенно игнорируя тот факт, что я не проронила ни слова. Кентавра так воодушевляла идея бравой команды «Езжай и Стражди», что он даже собрался рисовать о нас комиксы, подрядив в качестве художниц своих многочисленных дочурок.

– Кажется, я опять наделала глупостей... – простонала я, вваливаясь в комнату.

– О, ну хоть что-то в этом мире стабильно! – отозвалась Кадия. Подруга сидела в удобном бархатном кресле и хихикала. В кресле напротив сидела моя подводная ночнушка.

– Ты посмотри, Тинави! Эта штука повторяет все мои жесты! – восторженно взвыла Кад.

Для демонстрации волшебства она показала мне кукиш. Рукав серебристого балахона тотчас свернулся в такую же фигу. Кадия заржала. Ночнушка мелко затряслась, переливаясь чешуйками.

– Кажется, вы отлично сработались! – улыбнулась я.

Кадия лишь ликующе закивала, радуясь, как ребенок. Мне не хотелось портить ей настроение своими проблемами. Я села поодаль и стала придумывать планы – миллион планов по спасению Полыни из тюрьмы. Ни один не выдерживал критики...

На сто двадцатой дурацкой идее я сдалась и рухнула на кровать лицом вниз. Мне было стыдно перед Андريس. Кадия продолжала экспериментировать с рубахой, громко удивляясь и восторгаясь ее знаниями-уме-ниями.

– Ну вообще! Она даже сама на меня надевается, с лету! А-ха-ха, ты что щекотишься, поганка!

Я уже спала, когда Кад заботливо подоткнула мне одеяло.

– Утро вечера мудренее, подруга. Все наладится. Обещаю, – сказала она, и в ее голосе звучала непривычно мягкая улыбка.

Мой сон тотчас стал гораздо светлее.

День цветов, Сайнор и Карл

День цветов – один из пяти летних праздников Лесного королевства. По статистике, у четверти туристов, приехавших на фестиваль, начинается аллергия – в Шолохе развешено слишком много цветочных гирлянд. Поэтому рекомендуем вам положить в саквояж толченый корень ларош-травы или эссенцию квадральсты. Вы ведь тоже не пропустите карнавал?

Энциклопедия «Доронах»

– Тинави, ты меня слышишь? Эй?

– Дай ей пару минут, Карл.

– Она плохо выглядит. Может, слишком резко выдернули?

– Она человек. Они хлипкие. Подожди немного.

– Ави, это грубо. Касательно живого существа говорят «слабые». Слабые, а не хлипкие. Хлипкий – это стол. Или алиби. Или сюжет в этом новом блокбастере.

Я открыла глаза. И сразу закрыла обратно.

Карл, сиятельная Авена и я сидели за шатким трехногим столиком в уличном кафе. По дороге мимо нас пронеслись ревущие механизмы, похожие на железные алхимические капсулы, с грохотом взрывающие тонкую пленку пространства. На обочинах росли шершавые деревья, чьи круглые коричневые плоды были втрое меньше плодов ошши. Странная музыка откуда-то сбоку – слишком быстрая, слишком резкая – коробила слух: будто каменный великан энергично боксирует с твоей ушной перепонкой на роли груши...

– Тинави! Ты как? – Заметив мое движение, Карл смягчился.

Его детский голос отнюдь не соответствовал бешеной обстановке вокруг.

Подкатившая тошнота мешала как следует осмотреться, хотя мир вокруг был безумно интересным. Везде – стеклянные дома из давних видений Карла – нереальные, невозможные здания, крышами подпирающие небо.

Над самым ухом раздался героический голос богини Авены:

– Что ж, добро пожаловать в Форт-Лодердейл, девочка.

– Это не сон, да? – прошептала я, зажмуриваясь еще сильнее.

– Нет. Не совсем.

Сначала я протянула руку вперед, потом нащупала теплое запястье Карла и только затем снова открыла глаза.

Мы сидели на жаркой, очень жаркой улице.

Авена. Богиня – она и есть богиня, белокурая, величавая; Карл в знакомой мне ипостаси мальчишки; Лиссай и я.

Лиссай! Тонкое, изможденное тело принца обмякло в инвалидной коляске, какие встречаются в портах Саусборна. Лиссай был будто всплывший труп на ночной поверхности озера: глаза закрыты, руки безвольно раскинуты на подлокотниках, а лицо обращено вверх, к безупречной синей выси.

– Лис здесь? Он что, мертв?! – Я одурела от собственной смелости, задавая этот вопрос.

Светло-рыжие, будто рассветные волосы Лиса непослушно торчали во все стороны. Прозрачная белая кожа светилась, такая чужая всей этой загорелой роскоши кругом. Многочисленные веснушки дрожали перед глазами.

– Жив. – Карл не стал мучить меня предисловиями. – Повезло.

– Куда же его выкинуло Междумирье?..

– Куда *нас* выкинуло Междумирье, – поправила Авена. Глаза богини прятались за огромными очками с блестящими стеклами-зеркалами. – В предместья Хаоса, если тебе это о чем-то говорит, девочка. Принцу хватит впечатлений на целую жизнь.

Я ахнула.

– Боюсь, вся ситуация со Зверем оказалась хуже, чем я мог представить. – Карл сквозь трубочку потянул темную пузырящуюся жидкость из запотевшего стакана. – Зверь не только выжил – Зверь стал сильнее, черт бы его подрал. И с Междумирьем беда...

– Не забивай смертной голову. – Авена, сдвинув очки на кончик носа, строго посмотрела на Карла.

Он покосился на величественную сестру и незаметно от нее подмигнул мне. Потом снял с себя кепи с жестким козырьком и нахлобучил Лиссаю на голову. Он одернул ее так, чтобы казалось, что принц просто спит, размякнув на полдневной жаре.

– Мы вернем Лиссаю в Шолох, но пространственно-временной континуум потребует пару дней на его перемещение. Можно было бы сделать временную воронку – но ни Авена, ни я не специалисты, это сфера Теннета. Впрочем, разберемся. Какое у вас сейчас число?

– Ночь на двадцать пятое июня.

– Отлично. Двадцать седьмого июня в одиннадцать вечера тебя выкинет ко мне, и принц уже будет готов к возвращению домой.

– Но почему я не могу забрать его сейчас?

– Потому что тебя тут нет, Тинави. Ты спишь в Шолохе. Здесь только проекция, твое отражение. Ты чувствуешь себя живой, но местные не ощущают твое присутствие, разве что как холодок, непрошенные мурашки на шее. А вот Лиссаю нужно вернуть целиком – ну если ты не рассчитываешь на еще одного милого шолоховского призрака...

– Двадцать седьмое июня, одиннадцать вечера, я поняла.

– Супер. – Карл улыбнулся.

Авена кивнула мне:

– Всего хорошего. – И богиня бросила на Карла недвусмысленный взгляд: ты тоже закругляйся.

Хранительница отодвинула металлический стул и пошла к внутреннему помещению кафе. Когда Авена скрылась за стеклянными дверьми – они разъехались перед ней по сторонам сами, словно по заклинанию, – мальчик наклонился ко мне и быстро зашептал:

– Тинави, учти, Междумирье продолжает барахлить. Очень сильно. Несмотря на то что я закрыл входы и подчистил логи, оно бесится и жадно втягивает в себя всех, кто похож на хранителей. А ты похожа – моей магией. Так что, пожалуйста, будь аккуратна и не вздумай поддаваться ему, если попробует притянуть.

– Хорошо, Карл. Слушай, а насколько все плохо со Зверем? Один мой друг по имени Ол`эн Шлэйла боится, что мир падет...

Но Карл уже рассеянно смотрел на то, как к нам возвращается Авена, листающая меню. Мальчик кивнул в ее сторону:

– Она очень расстроена из-за моего поведения, и это справедливо... Увидимся, Тинави. – Карл поднял холодный бокал с трубочкой-зонтиком мне навстречу, будто хотел чокнуться.

Обжигающе-красочный мир закачался и ухнул куда-то вниз.

* * *

Нежные припудренные потоки солнечного света акварельными мазками разукрашивали летнюю спальню Кадии.

Высокая этажерка с воинскими дипломами, бархатная лиловая тахта и туалетный столик составляли треугольник композиции, открывшейся моему осоловелому взгляду.

Серебристо-салатовые ивовые грозди непрошеным изобилием вваливались в распахнутое окно. За ним с плеском дурачились краснобокие карпы в декоративном пруду. Вдалеке, пока еще тихо, приборматывая, распевалась садовница – краснощекая кудрявая душечка с кнаским акцентом, немилосердно затянутая в корсет.

Я перевела дух. Потом вытащила из-под невесомого одеяла руку и с опаской ощупала лицо, шею, плечи. Вроде все на месте. Сев в кровати, я сбросила ступни на каменный пол, привычно постаравшись не наступать на трещинки между розовато-оранжевыми, цвета апельсиновой меренги, плитками.

Бом-м-м-бом-бом... Старинные ходики вскинулись на стене, дважды повторили свой трехдольный напев.

Шесть утра.

Я вышла в сад: босая, припухшая со сна, со встрепанными волосами. Утро в Шолохе было до боли прекрасно...

Я застыла на резном крыльце летнего домика Кад, не в силах вдохнуть: мешали то ли остатки межпространственного сна, то ли так некстати припершая к стенке ностальгия.

Сметанные облака аппетитными ложками сгущали высокий лазурный небосвод. В скрупулезно подстриженной траве с безбашенной смелостью тарактели кузнечики. Блестящие, как самоцветы, стрекозы расчетливо испарывали шелка утреннего воздуха, слоями поднимавшегося от земли: холодно, теплее, совсем тепло... Я глубоко вдохнула эту пьянящую шолоховскую боль.

Жизнь.

Привет, жизнь!

Как же я тебя люблю, дорогая моя, драгоценная моя, моя главная страсть и главная радость. Куда бы ни мчались безумные кони фатума, как бы далеко ни было настоящее от моих детских мечтаний, знай, жизнь, – ты прекрасна. Каждым вздохом своим я славлю тебя, каждой секундой бытия. И неважно, кто я, что я, что сделала, а что – увы, но нет. Неважно, любит ли меня хоть кто-нибудь, я люблю – тебя, моя жизнь, тебя, мой Шолох, и значит, все это уже не зря.

Где-то там красивый, золотой, как старинная монета, Лиссай спит под палящими лучами такого знакомого, а все же чужого солнца. Послезавтра его вернут домой. А значит... это значит, что... Ох!

Я аж подпрыгнула, когда у меня в голове с ясной отчетливостью нарисовался слегка безумный, слегка самонадеянный, но все же план – план, который мог дать сто очков вперед Андрис с ее дурацкими троллями игрищами и переходом на личности.

От избытка чувств я послала воздушный поцелуй садовнице, копавшейся в зарослях шиповника, и вприпрыжку бросилась обратно в спальню.

* * *

– Кад, Кад, просыпайся! – расталкивала подругу я, с ногами забравшись на кровать и пытаясь отобрать у нее подушку. Свою подушку, ведь стоило мне покинуть наше ложе, Кадия заграбастала мою сатиновую думочку и нежно сжала ее в объятиях, сладко посапывая. На мои толчки – весьма интеллигентные, надо признать, – она не реагировала. Ситуацию спасла ночнушка из Рамблы, которая стремительно бросилась на лицо подруги и сжала той нос и глаза, будто припадочная профессиональная лобызательница.

– Хей! – Не успела я испугаться, как подруга уже очнулась.

Рывком сорвав с лица серебристую тряпку, Мчащаяся расхохоталась:

– Ой, не могу! Эту штуку можно использовать как будильник! Ну чего, чего тебе надобно, неугомонная? – ласково обратилась она уже к рубашке. Та замерцала, смущаясь.

– Слушай, Кад, а хочешь, я тебе ее подарю? – внезапно предложила я. Обе, стражница и ночнушка, повернулись ко мне в счастливом изумлении.

Я усмехнулась:

– Бери!

– То-о-очно? – Глаза Кадии возбужденно полыхнули голубым. Чешуйчатая рубашечка метнулась на шею подруги, обмотавшись вокруг нее, как диковинный шарфик.

– Точно. Вы идеальная пара, а вот у нас не сложилось, – фыркнула я.

Кадия возликовала. Рубашка с лету напрыгнула на нее, наползла через голову прямо поверх нормальной, неживой комбинации – черной, шелковой, жутко красивой, сшитой на заказ. Я, довольная, отправилась умываться.

Как же здорово дарить! Просто брать – и дарить. Вы возмутитесь: велика наука – дарить то, что тебе самому не нужно. А все-таки – неважно. Дать человеку то, от чего сердце его радостно подскочит, – это величайшее наслаждение. Чувствуешь себя таким свободным, таким благополучным... А кем себя чувствуешь, тем и становишься. Закон наивный, но действует. Прах побери, на сто процентов действует.

Когда я вернулась в спальню, Кад уже сидела за письменным столом, одну за другой выводя лиловые ташени. Ночнушка переливалась на ней всеми цветами апрельского лососевого нереста и поприветствовала меня, на мгновение блеснув иссиня-зеленым.

– Кому пишешь? – полюбопытствовала я, перед зеркалом прилаживая свой суровый псевдонос.

– Коллегам. День цветов – слишком крупный праздник для того, чтобы мы в Чрезвычайном департаменте чувствовали себя в своей тарелке. Так и ждешь подлянку от расслабленной публики. Везде чудится опасность. Готовлюсь к бою и обороне, короче. – Кадия со вздохом почесала свой хорошенький вздернутый носик, густо намазанный кремом от солнца. Ты ж моя предусмотрительная!

Я призадумалась:

– То есть, считай, праздников у тебя больше нет? Чем больше отдыхающих, тем большая нагрузка на ваши плечи?

– Именно. В обычные дни за порядком присматривает куча госслужащих. По праздникам – только мы.

– А где будет твой пост?

– Возле Башни магов.

– А во дворце во время праздников тоже чрезвычайники дежурят?

– Конечно. На каждом этаже.

Мое сердце громко заколотилось. Я подошла к Кадии, присела на резной подлокотник кресла, в котором подруга уютно свернулась, обложенная душистыми письмами, перьевыми ручками и пушистыми склянками духов, и беззаботно спросила:

– А ты можешь поменяться с тем, кто дежурит у покоев Его Величества Сайнора?

Кад подозрительно сощурилась на меня через зеркало.

* * *

Шолоховский День цветов!

Что может быть прекраснее? Мой день рождения чуть-чуть не дотянул до этого фестиваля, о чем я бесконечно, беспредельно, бездумно жалела в детстве – и чему так радуюсь сейчас. Потому что День цветов – он для всех. А день рождения – только для меня.

С возрастом все больше ценишь эксклюзивность.

Но День цветов, как ни крути, всегда так свеж, прохладен и впечатляющ, будто в первый день бытия. Горожане щеголяют изысканными полумасками и цветочными венками в волосах,

глава Башни магов проезжает в жемчужной карете по улицам, раздаривая благословения с щедрой подачи налогоплательщиков; гирлянды из пионов украшают переулки.

Ярмарки гремят на площадях, рыцарские турниры дребезжат подле трактиров, музыканты взрывают легкие, стремясь отдать зрителям как можно больше волшебных песен... Иноземцы наполняют Шолох, как модные аметистовые амулеты – шкатулки столичных фифочек, и никто уж не разберет, где свой, где чужой. Смотрящие не бдят, Ловчие не ищут; все, кроме унылой горстки стражников-чрезвычайников, праздно шатаются по городу, разукрашенному так сочно, что веришь, что именно здесь начинается радуга.

Часть шолоховцев уже вплотную познакомилась с чарующей настойкой облепихи и распевала фольклорные гимны, когда мы с Дахху пересекли Трекованный мост.

Зеленый лабиринт, экстерьерная прихожая дворца, был набит горожанами.

Ребятишки в плащах-летягах и масках милых зверушек то и дело выскакивали мне навстречу из-за фантазийных можжевеловых стен. За ними с встревоженными вскриками носились мамки и няньки. Периодически взрослые путали детей: когда все в масках, поди разбери, твой это Джекки лезет обниматься к мраморному ферзю или все же соседский! Шахматные фигуры в два человеческих роста, верные стражи лабиринта, злобно скалились на непрошенных гостей, но тем было абсолютно неважно мнение каких-то там каменных глыб.

Охрана бездельничала, предпочитая скорее любоваться всполохами магических огней в небе, нежели следить за туристами. Я в который раз порадовалась, что моя татуировка Ловчей неактивна. (Пусть магия ко мне и вернулась, но это Карлова магия, не имеющая ничего общего с насильственным – с точки зрения унни – клеймением сотрудников.) Госслужащую, тем паче беглую, засекли бы куда быстрее, чем прохладжающуюся девицу в костюме лесного зверька: мы с Дахху вырядились лисами.

– Я вернусь через час, если все пойдет по плану, – шепнула я Смеющемуся.

Дахху опирался сразу на два костыля – для верности. Ходил он довольно бодро, но иногда опасно спотыкался на поворотах. Со стороны казалось, будто в такие моменты он вдруг решает сплясать: эту палку сюда, эту ногу туда – и шарфик залихватски летит через плечо... Я еле успевала подхватывать друга.

– Подожду тебя на шахматной поляне, – улыбнулся Дахху. Его тонкие бледные губы приподняли края лисьей полумаски.

– Сам дойдешь? – критично уточнила я.

– Вряд ли. Но вдруг мне помогут?

– Кто?

Дахху поднял взгляд к огромному ферзю, мимо которого мы проходили.

– Может, вы, сэр? – спросил друг у мраморной фигуры. – Пожалуйста!

Я с беспокойством воззрелась на Дахху... Так. Ему в Лазарете, случайно, лишнего морфия не сыпанули?

Но... Ферзь вдруг шевельнулся, пробуждаясь от долгого сна, и шагнул вперед. Распрямил правую руку, склонился и уцепился молочно-белой кистью за локоть Дахху.

Я аж поперхнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.